

КАЩКАЯ ЛЕГЮПИСЬ

№ 2
(170)
ВЕСНА
2014
года

Кадка. Весна. Платуново.

Снимок С. Темняткина, 2012 год

Журнал краеведов
Кацкого стана
(волости Кадки)
«Кацкая летопись»
№ 2 (170)
весна 2014 года
Цена свободная

Журнал является
преемником газеты
«Кацкая летопись»,
выходившей в 1992-2002 гг.

Редакционная группа:
О.А. ПЕРОВА
С.Н. ТЕМНЯТКИН

ИЗДАТЕЛЬ
МУК ММР «Этнографический
музей кацкарей»

АДРЕС РЕДАКЦИИ
И ИЗДАТЕЛЯ:
152846, Ярославская обл.,
Мышкинский р-он,
д. Мартыново,
ул. Музейная, д. 27
ТЕЛЕФОН В МАРТЫНОВЕ
(48544) 3-27-36
ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА
katskari@yandex.ru
temnyatkin.s@mail.ru

Публикуемые материалы
не обязательно отражают
точку зрения редакции

**Музей кацкарей
ждёт помощи!**
ИНН 7619004229
КПП 761901001
расчётный счёт
40703810977153000101
Северный банк Сбербанка
России ОАО г. Ярославль
корр. счёт
30101810500000000670
Отдел финансов
администрации
Мышкинского МР
(МУК ММР «Этнографический
музей кацкарей»)

© «Кацкая летопись»
Перепечатка –
обязательно со ссылкой
на «КЛ»

Номер набран и сверстан
в МУК ММР «Этнографический
музей кацкарей»
(д. Мартыново
Мышкинского района
Ярославской области),
отпечатан в ОАО «Полиграфия»
(г. Ярославль,
ул. Республиканская, д. 61)
Заказ 2147 *** Тираж 800

**НОМЕР ИЗДАН
НА СРЕДСТВА ГРАНТА
ДЕПАРТАМЕНТА КУЛЬТУРЫ
ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ**

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НОМЕРУ

ТАК И ЖИВЁМ

Сельскохозяйственный
обзор-2

3-4 стр.

КАЦКИЙ СТАН СЕГОДНЯШНИЙ

Современные новости
древней Кадки

5 стр.

КАДКА ПРАВОСЛАВНАЯ

Елена Куликова
Кацкая Византия

6-12 стр.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Светлана Левагина
Заметки о книге
«Давно минувшее...»

13-15 стр.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Борис Фёдоров
Звали её Маша-монашка

16 стр.

У НАШИХ СОСЕДЕЙ

Олег Карсаков
Крестьянский поэт
из деревни Наумова

17-19 стр.

КАДКА ПОЭТИЧЕСКАЯ

Стихи о Платунове

19 стр.

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Татьяна Третьякова
Кацкари –
георгиевские кавалеры

20-23 стр.

ПОБАХО́РИМ ПО-КА́ЦКИЕ

Ба́ша – белоли́ска

24-25 стр.

КАЦКАРИ

Рождественно. Ученики

26-27 стр.

А НАЗАГЛÁДОЧКЮ

Таральково. Первые колхозники

28 стр.

Так и живём

Сельскохозяйственный обзор-2

Окончание. Начало в № 1 (169), зима 2014 года

Таблица, предлагаемая ниже, уже была опубликована в предыдущем выпуске «КЛ». Вернулись мы к ней потому, что посчитали наш первый разговор незавершённым. Предлагаем читателям его окончание и для полноты восприятия сообщаем, что на 1 января 2014 года в Кацком стане зарегистрировано 538 постоянно проживающих семей.

ПОГОЛОВЬЕ СКОТА В ЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ КАЦКАРЕЙ

Наименование животных	Поголовье на 1 января 2014 года
КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА, в том числе:	919
коров	309
нетелей	12
быков-производителей	12
телят и передёржек	586
ЛОШАДЕЙ	8
ОВЕЦ, в том числе:	319
овцематок	134
баранов-производителей	4
ягнят	181
КОЗ, в том числе:	25
козоматок	21
козлов-производителей	2
козлят	2
СВИНЕЙ	-
КРОЛИКОВ	138
ДОМАШНЕЙ ПТИЦЫ, в том числе:	2466
кур	2366
гусей	40
уток	27
индюков	33
ПЧЕЛОСЕМЕЙ	974

БЕЗ КОЛХОЗА ХУДО

Вот парадокс: чем крепче колхоз, тем легче местному населению вести личные подсобные хозяйства. Хотя городским теоретикам от экономики и мнится, что всё должно быть наоборот. Однако ж практика показала, что с развалом колхозов туго становится и частнику. Почему так?

Всё просто – скотину надо кормить: и чем сытнее, тем больше от неё отдачи. В 1990-е годы колхозы по умеренной цене с удовольствием продавали излишки урожая: хоть просто зерно, а хоть и «посыпкой» – зерном дроблёным. Колхозникам же вообще зерно полагалось в качестве натуроплаты на заработанный рубль – то есть своеобразной премией, без денег. Ну как тут при таких-то порядках да не завести лишнюю корову?

Сейчас те времена канули в Лету. На весь Кацкий стан остались лишь два действующих колхоза – по-современному, СПК: «сельскохозяйственных производственных кооператива». Из зерновых они сеют только овёс. Предлагают и на продажу: «Верный путь», например, по 10 рублей за килограмм.

Однако большинство частников перешло на привозной комбикорм, килограмм которого стоит тоже в среднем 10 рублей. Сорокакилограммовый мешок, стало быть – 400 рублей; его корове хватит недели на две. Это если давать ей ещё и остаток со стола, и остающийся от трапезы старый хлеб.

Кстати, о хлебе. Московские магазины живо смекнули, что делать с просроченными хлебо-булочными изделиями. Каждое воскресенье грузят их в фургон и привозят в деревни – в том числе и в наш Кацкий стан. Продаются мешками по 10 рублей за килограмм. Деревенские такой дешёвый корм для скотины покупают, что говорится, «в драку» (а небрезгливые, напишем по секрету, и на свой стол чего-нибудь интересное найдут).

И ВСЁ-ТАКИ: КОРОВА КОРМИЛИЦА ИЛИ НЕТ?

Что ж, побудем экономистами!

Мы уже договорились, что в год хорошая корова даст 4575 литров молока. Или 160125 рублей, если получится реализовать его в своей же деревне по цене 35 рублей за литр. Тринадцать с лишним тысяч рублей в месяц – отличная деревенская зарплата! Вот только бы ещё найти постоянного покупателя в своей-то деревне...

Что ж, будет делать творог со сметаной и продавать их скупщикам по 85 рублей за килограмм и 70 рублей за литр соответственно. Допустим, в год от коровы мы получим тонну творога и триста пятьдесят литров сметаны – в деньгах это 109500 рублей, или 9125 рублей в месяц.

Конечно же, это самые грубые подсчёты. С одной стороны, молоко и молочные продукты неизбежно будут тратиться и на питание семьи, и на выпойку телят-молокопоек, и на гостинцы городским детям и родственникам. С другой – продавать-то можно и на Угличском рынке, где расценки гораздо выше.

А теперь, что мы на содержание коровы в течение года потратим. Купим ей тонну комбикорма на 10000 рублей. И двести пудов сена ещё на 10000 рублей. То есть выгода есть: корова по-прежнему деревенская кормилица! Почему же с каждым годом поголовье домашнего скота в личных подсобных хозяйствах сокращается?

ПООБЛЕНИЛИСЬ!

Звучит это «пообленились», конечно, нелицеприятно, но если отбросить в сторону примиряющее словоблудие, то так оно и есть. Уход за домашней скотиной – это труд, а вкалывать сейчас непрестижно. Причём труд не только физический, но и моральный – помните, как у Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приучили!»

Бычок-годовичок у церковной сторожки в Ордине.

Снимок С.Н. Темняткина, 2008 год

И в самом деле, что значит иметь корову либо другое домашнее животное? Вставать в летнюю пору в пять часов утра, спешить в обеденный перерыв на полуденную дойку, а после работы – вечерний уход. И так день изо дня без выходных, праздников и отпусков. Становишься как бы «привязанным» к скотине: и надо бы по делам уехать на целый день или просто в гости сходить, да никак!

Плюс масса других проблем. Корову, например, нужно вовремя сводить к быку и не проследить отёл. Животное должно быть своевременно привито, а заболевает – пролечено. Скотный двор – отремонтирован и содержаться в порядке. А вывозка навоза – кому она только не надоела!

Летом прибавляется другая забота – организация выпаса скота.

Для старшего поколения все эти хлопоты – дело как бы само собой разумеющееся; деревенская же молодёжь желает быть столь же свободной, как и молодёжь городская. А потому деревенские подворья будут и дальше сокращаться.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЧЕЛОВОДСТВЕ

Пчеловодство – совершенно особая отрасль животноводства, и пару слов о нём мы припасли, как говорят кацкари, «на заглазочку». Пчёлами в Кацком стане занимается 99 хозяйств, то есть каждая пятая-шестая семья – это показатель очень высокий. Особенно много пчеловодов в Мартыновском сельском округе, где и пасеки самые большие – в среднем по 17 с лишним ульев на каждой! Для сравнения: в Ординском сельском округе на одну пасеку – десять ульев, в Рожественском – шесть с лишним.

Конечно, разведение пчёл – дело канительное и даже рискованное, но мы сейчас не об этом. Раньше, когда колхозы занимались травосеянием, в хороший год с сильным ульем накачивали до 30-ти килограммов мёда; сейчас, когда бесхозные травы одичали – и 20 килограммов хорошо. Как их реализуют?

Самое простое – сдать в Общество пчеловодов, но по 200 рублей за литр. Или встать на очередь в Этнографический музей кацкарей и, если её дождёшься, там примут мёд за литр по 500 рублей. Мож-

но попробовать самому поторговать на рынке по 700 рублей за литр, но там серьёзную конкуренцию составляет хоть и не такой вкусный, но дешёвый белорусский мёд. Лучше, когда покупатель сам прибывает на пасеку: на месте мёд рады отдать и по 450-500 рублей за литр.

В общем, на реализацию мёда много жалуются, но раз пчёл держат – значит, выгоду видят.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

По правде сказать, большие личные подсобные хозяйства – это ведь примета только послевоенных 1990-х годов. Исторически крупные крестьянские хозяйства на территории Кацкого стана существовали лишь в 1910-х (во время столыпинских реформ) и в 1920-х (при НЭПе) годах, но их было немного, и век их был недолгим.

А так – ну, например, в классическом дореволюционном 1897 году – на одно крестьянское подворье в Кацком стане коров, овец и лошадей в среднем приходилось лишь по одной-две головы, телят – по одной голове. Свиной держала только каждая пятнадцатая семья! То есть вполне сопоставимо с сегодняшним временем – за исключением, разумеется, лошадей, бывших век назад единственной тягловой силой. Основной доход дореволюционные кацкие семьи имели от выращивания льна и заработка в городах; стремительно росла прослойка мелких торговцев и промышленников. Развитию же сельского хозяйства мешал дефицит земли: шутка ли – на той же территории, что и сейчас, проживало 3258 семей, и общее поголовье скота в их хозяйствах было внушительным.

Всё советское время народ в деревнях таял, но скотины у крестьян было по-прежнему немного: корова, телёнок, одна-две овцы, кролики, несколько кур – вот, пожалуй, и всё. Коз, свиней, гусей и пчёл держали немногие, а лошадей на личных подворьях и вообще, как говорят, содержать было запрещено. Появлению лишней скотинки на крестьянском дворе препятствовали и негативное отношение советского государства к частной собственности, и по-прежнему земельный дефицит – земля-то была колхозная! Впрочем, к 1980 году благосостояние колхозного крестьянства возросло настолько, что некоторые стали отказываться и от одной-единственной коровы.

Получается, заниматься фермерским трудом у кацкарей совсем не в традиции; в наших жилах течёт кровь скорее «шабашников», нежели крестьян.

Бум на личные подворья пришёлся лишь на два десятилетия с 1990-го по 2010-й. Тогда, во время падения колхозного строя и общей экономической неурядицы в стране, именно частное животноводство помогло кацкарям не только выжить, но и дать образование своим детям, купить им городские квартиры и... оставить жить в городе. Так что преемственности не получилось. Да и государство, раз за разом ужесточая санитарно-ветеринарные требования, отбивает охоту заниматься скотиной. Но препятствия, творимые государством – это повод уже для другого разговора...

Кацкий стан сегодняшний

КАЦКИЙ ТУРИЗМ: И ЭТО ТОЖЕ ВКЛАД В ЭКОНОМИКУ

Есть цифры, которые совсем не требуют комментариев. Вот, например, в 2013 году Этнографическим музеем кацкарей у местного населения было закуплено 4734 литра молока, 526 литров забелы (сметаны), 348 кг топленого масла, 7636 кг картофеля, 928 кг капусты свежей и 352 трёхлитровые банки капусты квашеной, 299 кг лука, 328 кг моркови, 648 трёхлитровые банки солёных огурцов и 10 литров варенья. На угличских базах музей закупил 6161 кг куриных окорочков, 227 пачек сахара рафинированного и 100 кг сахарного песка, 90 пачек соли, 174 бутылки масла рафинированного и 70 бутылок нерафинированного, 125 пачек чая и 180 пачек лаврового листа. Хлеба на Волжском хлебозаводе было закуплено 3156 буханок. В общем, всех продуктовых закупок на сумму 1151685 рублей, и это только для проведения музейных программ. А ведь имеется ещё и музейный ларёк, через который местные жители тоже реализуют сельскохозяйственные продукты...

БЛАГОУСТРОЙСТВО: ВЛАСТИ – МУЗЕЮ

Ходатайств ко всем уровням властей у Этнографического музея кацкарей всегда предостаточно, да только большинство из них остаётся без ответов. Тем радостнее, когда дела наконец-то решаются! Это мы о стоянке для прибывающего в деревню Мартыново туристического транспорта. В минувшем 2013 году силами Приволжского сельского поселения она была значительно расширена, и это сразу добавило удобства. На её реконструкцию было потрачено 479000 рублей.

А дорожники поставили дополнительные указатели на Мартыново. По дороге от Углича теперь их четыре: у Серы, Шипилова, Петряева и Рождествена. Что ж, за это тоже спасибо – блудиться туристы стали меньше!

Спасибо и электрикам: спустя год после поломки и многочисленных обращений к ним уличный фонарь возле музея наконец-то отремонтирован...

ФОТОФАКТ: УКАЗАТЕЛЬ ВМЕСТО ДОРОГИ

А вот к многолетним просьбам кацкарей о ремонте участка автодороги «Углич – Воскресенское» между Платуновом и Мартыновом, власти отнеслись творчески: ремонт дороги они заменили... установкой указателя! Вот он, на снимке: стоит за околицей села Рождествена и нагло врёт, что,

во-первых, до Углича всего 26 километров и, во-вторых, что по ним можно проехать. И заволосные (то есть неместные, не кацкари) едут – а что же им дорожному знаку да не верить? К сожалению, иногда на эту удочку попадают и экскурсионные автобусы, следующие в Этнографический музей кацкарей в Мартыново.

А между тем десять километров дороги сразу за Мартыновом как были непроезжими, так непроезжими и остались. На беду, после поворота на Нефино никаких иных указателей до самого Углича больше нет, а мобильные телефоны местами связь не ловят. В общем, застрявшие путники чувствуют себя как в Бермудском треугольнике. Эх, вот бы на их месте да оказался какой-нибудь высокопоставленный чиновник! Но не ездят по этой дороге высокопоставленные чиновники...

От Рождествена до Углича дорожники обещают 26 километров. А в действительности все 40, если не застрянешь или не заблудишься...

Снимок С. Темнякина, 2014 год

РОЖДЕСТВЕНО

КАДРОВЫЕ ПЕРЕСТАНОВКИ В КУЛЬТУРЕ. В первых числах февраля село прошло с безвременно умершей Татьяной Александровной Богдановой, проработавшей художественным руководителем Рождественского сельского Дома культуры семнадцать лет. Впрочем, для соседних Балакиревского и Мартыновского клубов она тоже не была чужой, всегда выручая на мероприятиях со своим верным другом-баяном. После похорон оставила своё место и её коллега-заведующая (по-новомодному «менеджер») Татьяна Валентиновна Иванова; теперь она специалист по работе с молодёжью от Мышкинского агентства молодёжи. Ну и, как прежде, завхоз Рождественской средней школы по совместительству. Что же касается Рождественского СДК, то им стала заведовать Любовь Петровна Воробьёва; работает она пока одна.

КУВШИНОВО

НЕЗАМЕНИМАЯ ПОМОЩНИЦА. Профессия социального работника появилась сравнительно недавно, но сразу стала общественно значимой – особенно в тех деревнях, где ни дорог, ни учреждений. Надежда Михайловна Лапшина из деревни Кувшинова в социальных работах уже десять лет. К своим опекаемым она относится, как к родным, а их у неё – пожилые люди в пяти домах: два в Кувшинове и три в соседней Дмитриевке. Старики своим социальным работником не нахвалятся: «Надежда Михайловна – очень внимательная и заботливая женщина. Что её ни попроси, ни в чём не откажет. Она незаменимая наша помощница!»

НЕФЕДЬЕВО

ЗА ОЛЕНЯМИ – МАРАЛЫ. Вслед за удачной акклиматизацией в Кацком стане пятнистых оленей Ординское охотничье хозяйство принялось за разведение... маралов с ланями! Для этого огородили 450 гектаров брошенных земель между Парфёновом, Черневом и Овдеевом (в старину эти места назывались пустошь Избоха, а сейчас – Коптяга). Впрочем, одним только забором дело не обошлось, ведь земля без хозяина успела одичать. Нынче вспахали первые 43 гектара под овёс с подсевом многолетних трав. И вот завезённые минувшей осенью 65 маралов и 5 ланей зиму пережили благополучно и уже начали телиться.

(По сообщениям с мест)

Кадка православная

Кацкая Византия

Мысль связать начало Кацкой земли с далёкою от нас во времени и пространстве Византией, конечно, смела и даже дерзка, но на удивление легко согласуется с местными реалиями. Как будто бы автор статьи и не угличанка вовсе, а коренная жительница Хороброва, привыкшая не сокращать название своего села до пресловутого «Хоробова», а произносить как бы в два слова, с двумя ударениями: «Хоро»-«брово». Как будто бы сызмала впитала она рассказы о здешнем одигитриевском храме, о живительных родниках, о мифических князьях-защитниках, наконец, о древнем то ли монастыре, то ли монастырском подворье. О том, что и само Хороброво первоначально располагалось чуть ниже по Кадке – на горе Слабутине. Удивительно, но если взглянуть на колхозную карту почв, то самые кислые они – именно здесь! Запомните этот факт, при чтении статьи он тоже пригодится. Как и то, что кацкари до сих пор предпочитают обходить Слабутину стороной, считая её нечистой. А между тем, какой потрясающий с неё открывается вид! На пол-Кацких стана: кругом поля, луга, река Кадка и, как на ладони, бывшая кацкая столица – село Хороброво...

ОДИГИТРИЯ

С историей образа Божией Матери Одигитрии связано множество до сих пор неисследованных фактов, невыясненных исторических событий и неразгаданных пророчеств. Одно с уверенностью можно сказать точно: на Русь византийский образ Богоматери Одигитрии прибыл одним из первых. По одной официальной версии, сестра греческого императора Василия привезла святыню как благословение на брак с великим князем Владимиром, принявшим христианство в 988 году. По другой версии, греческий император Константин IX Мономах, отдавая свою дочь в 1046 году за Черниговского князя Всеволода Ярославича, благословил ею царевну Анну. По наследству икона досталась сыну Всеволода – Владимиру Мономаху, который привёз её в Смоленск и поставил там в устроенном им храме Успения Богоматери. С тех пор, по церковному преданию, икона стала называться Смоленской. Однако можно предположить, что списки с образа Одигитрии появились на Руси на три века раньше, во времена иконоборчества в Византийской империи. И вообще, при каких обстоятельствах данная икона получила свое название? Почему Одигитрия?

Для этого нам стоит обратиться к византийской палеографии*) – науке об изучении происхождения

тех или иных слов, со временем утративших своё первоначальное значение или вовсе исчезнувших из употребления. В своём повествовании мы будем ещё неоднократно обращаться к средневековому греческому словарю.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ОДИГОН

Итак, из церковной истории известно, что когда святой апостол Лука преподнёс написанный им образ Пречистой Деве Марии, то увидев своё изображение с Предвечным Младенцем на руках, Она произнесла: «Отныне убожат мя вси роди! *Благодать Рождшегося от Меня и Моя с нею да пребудут!*» По Успении Богоматери Апостол передал икону Антиохийской церкви. Оттуда она попала в Иерусалим, а 436 году оказалась в Константинополе. Благочестивая царица Пульхерия передала икону в храм под названием Одигон. Несколькоми годами позже её стараниями при храме Одигон был образован женский монастырь Панагии Одигон, один из крупнейших в Византийской империи.

Вот теперь мы обращаемся к византийской палеографии III-VII веков за разъяснением этого слова. Краткий перевод его – «путь». Но не всё так просто. В данном слове явно проследживается два корня: «оди» и «гон». Если с последним всё более или менее ясно: «гон» –

«путь», то первый корень нужно перевести на современный греческий язык. Что же мы услышим от палеографов? Оказывается, «оди» имеет единое значение со словом «ΟΔΥΝΗ» («*одини*»), в переводе на русский – «страдание». Проведя таким образом смысловый анализ, мы получим более достоверный перевод: «ΟΔΎΓΩΝ» («*Одигон*») – на русский слово переводится как «путь страданий». Кстати, в русском языке находим однокоренные слова: «один», «одиночество». А почему константинопольский храм назывался Одигон?

Здесь на память приходит одно древнее предание. Некогда, в III веке на окраине Константинополя простекал холодный подземный источник. Его живительный поток образовывал небольшую купальню. Люди заметили, что вода из источника обладает целебной силой и лечит от слепоты и различных глазных болезней. Путь до этого источника был совсем нелёгким! Еле заметная тропинка петляла между каменистыми, очень крутыми и опасными склонами. Здесь и здоровому зрячему человеку было сложно спуститься к источнику. Что уж говорить о бедных слепцах! Каково им было добраться до воды! По преданию, двое слепцов, поддерживая друг друга, несколько дней пытались найти заветную тропинку и совсем уже выбились из сил. Голодные, измученные, с разбитыми в кровь руками и ногами они в отчаянии взмолились Божией Матери! Она услышала их молитвы и сама довела их до источника, даровав обоим полное исцеление. Прозревши у живительной воды, слепцы воочию увидели свою Спасительницу и воскликнули: «ΟΔΎΓΗΤΡΎΑ» («*Одигитрия*»)! Что бы по-русски звучало, как «Проводник» или «Путеводительница». Вскоре у источника был воздвигнут храм в честь Божией Матери, который получил название «ΟΔΎΓΩΝ» («*Одигон*»). Соответственно, икона, переданная царицей Пульхерией в этот храм, стала называться Одигитрией.

ПУТЕВОДИТЕЛЬНИЦА СМОЛЕНСКАЯ

На протяжении многих веков чудотворный образ Божией Матери из храма Одигон являлся палладиумом Византийской империи, верным за-

*) Автор благодарит за оказанное содействие и помощь **Деметроса Кипроса Пульхристудоса**, палеографа, историка-публициста, г. Салоники, Греция.

логом её безопасности и благополучия. Небесным покровительством Матери Божией Константинополь неоднократно избавлялся от вражеских нашествий. Её икона Одигитрия сопровождала византийских императоров в военных походах. В эпоху иконоборчества VIII-IX веков, когда многие храмы Константинополя были разорены и лишены своих святых, образ Путеводительницы был надежно укрыт в нише храма Одигона, которую предумышленно заложили кирпичом. По окончании гонений образ с почестями вернули на его прежнее место.

В 1046 году икона прибыла на Русь, некоторое время она находилась в Чернигове. Уже тогда образ Одигитрии почитался как родовая святыня русских князей и символ преемственности и династической близости двух православных монархий: Константинополя – Второго Рима и молодого Русского государства. В 1097 году князь Владимир Мономах перенёс икону в свой удельный город Смоленск и поставил в соборном Успенском храме. С тех пор образ получил второе своё название – Одигитрия Смоленская. Такова в кратком содержании летопись чудотворного образа от его пребывания в Византии до перенесения на Русь.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ II ТЁМНЫЙ

А теперь перенесёмся в век XV-й в стольный град Москву и проследим одно важное духовное и историческое событие, связанное с чудотворным образом. В 1456 году между Москвой и Польским королевством установились мирные отношения. К великому князю Василию Васильевичу Тёмному прибыло посольство во главе со Смоленским епископом Мисаилом и просило вернуть икону Божией Матери Одигитрии в Смоленск. Почти 110 лет она находилась в Москве в Благовещенском храме Кремля вследствие польской оккупации Смоленска. Князь Василий принял решение вернуть икону в родной город, оставив с него точный список. 18 января 1456 года икону Одигитрию Смоленскую подняли и с крестным ходом торжественно вынесли из Кремля. На Девичьем поле священное шествие остановилось. По преданию, Божия Матерь сама повелела остановиться процессии здесь, под стенами Саввиного монастыря, что стоял у выезда на Старую Смоленскую дорогу. Священники совершили последний молебен, и с великим плачем образ отпустили.

Через несколько лет на Девичьем поле в память перенесения чудотворного Образа Одигитрии была построена Смоленская часовня. При жизни князя Василия Тёмного эта часовня была одним из любимых его мест, куда часто он приезжал помолиться в одиночестве.

Вспомним некоторые факты из жизни князя Василия Тёмного. Ведь он является связующим звеном нашего повествования.

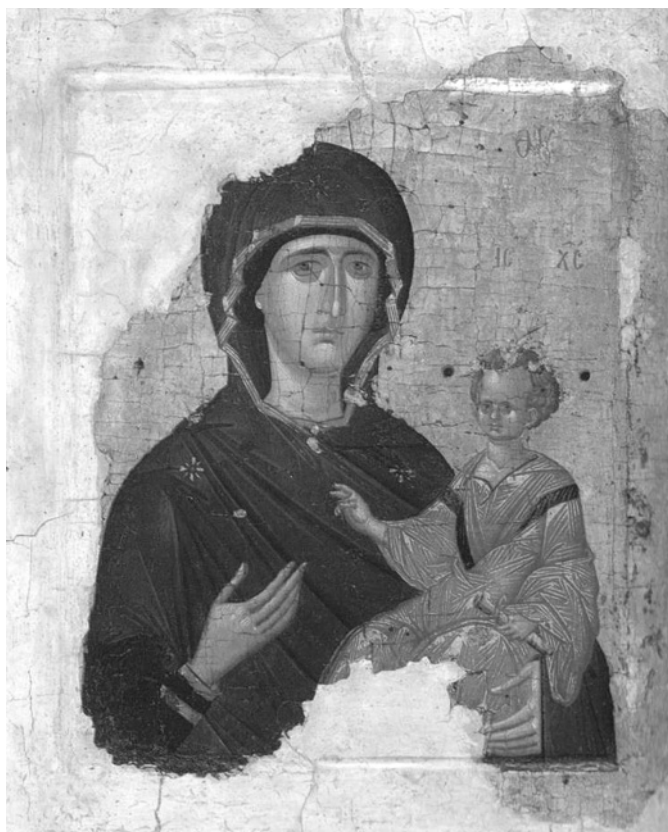
Итак, после смерти в 1430 году великого князя Литовского Витовта князю Василию II не удалось найти взаимопонимания с князем великим и городским Юрием и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемя-

кой. В ходе междоусобных стычек, осложнённых одновременной борьбой с Казанью и Великим княжеством Литовским, московский престол несколько раз переходил к галицким князьям.

В 1433 году князь Василий II был выслан из Москвы. Великокняжеский престол захватил князь Юрий. А Василий II поселился в Коломне. На некоторое время небольшой городок сделался настоящей столицей, шумной и оживлённой. Многие жители покинули Москву, отказавшись служить князю Юрию, и направились в Коломну. Через некоторое время князь Василий смог вернуть себе трон, однако в ходе междоусобной войны ещё несколько раз его лишился.

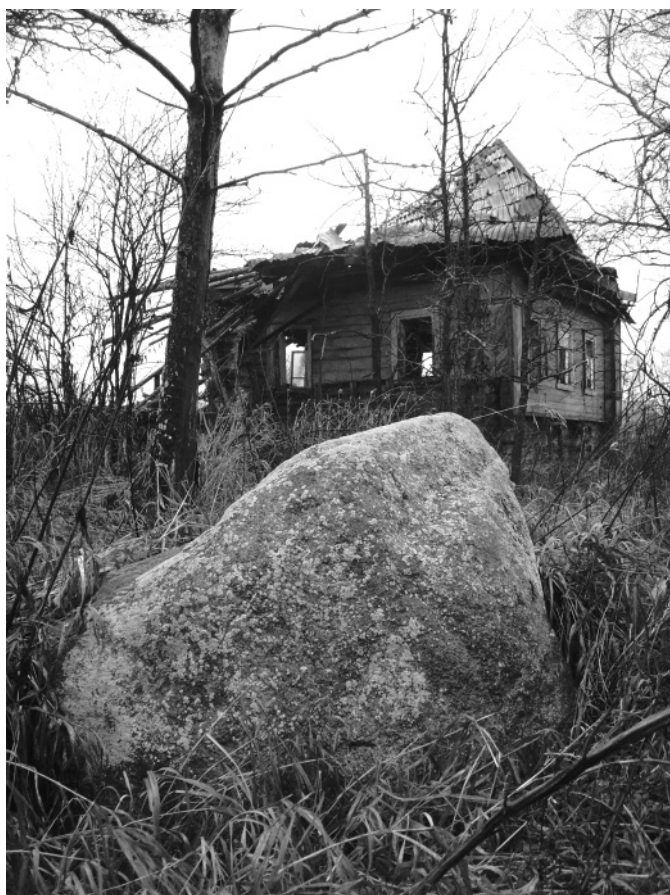
7 июля 1445 года в сражении у окрестностей Суздаля Василий II с русскими войсками потерпел поражение от казанского войска и был взят в плен. В плену провел три месяца. Точных данных об условиях освобождения из плена князя Василия нет. Наверное, это была большая сумма. Несколько городов были фактически подарены на кормление татарам. Также по условиям этого кабального договора, по мнению некоторых источников, было создано в пределах России, в Мещёре, Касимовское ханство. Название своё получило по имени первого правителя царевича Касима. Все эти обстоятельства вызвали недовольство и ропот против князя Василия. Хотя, если рассмотреть все события беспристрастно, никакой вины князя Василия тут не было. Просто несчастливое стечение обстоятельств.

16 февраля 1446 года он был захвачен в Троице-Сергиевой Лавре по приказу князей: Дмитрия Шемяки, Ивана Можайского и Бориса Тверского. Князю Василию поставили в вину излишнюю дружбу и покорность татарам, разорение государственной казны и большие подати, установленные для народа. Далее случилось то, чем жестокий век XV-й преизобиловал. Не просто так святой преподобный Сергей Радонежский молился о братской любви, взаимном прощении и полном искоренении жестоких языческих обычаев между русскими князьями в лесной пустыне! Князь Василий был ослеплён. Ужасное по своей жестокости наказание, тем более что и незаслуженное! Но в средневековой Руси пытки и наказания колесованием, отрубанием частей человеческого плоти, выжиганием клейм на лице или теле считались самым обыденным делом! Вот почему князь Василий и получил свое прозвище «Тёмный». Не хочется искать

Икона Божией Матери «Одигитрия». Первая четверть XV века, Византия.

Скан из книги «Новодевичий монастырь. Путеводитель», Москва, «Новодевичий монастырь», 2009 год

В опустевшем Хороброве рушатся покинутые дома. И только камни хранят тысячелетнюю историю. Помнят, но молчат...

Снимок С. Темнякина, 2013 год

в этом ни жертв, ни виноватых. Так случилось, что Господь попустил князю такое испытание. На все воля Божия!

Вместе с супругой Марией Ярославной князь Василий Тёмный был сослан в Углич, где провёл больше года. Кстати, его сын Андрей Васильевич по прозвищу Большой родился именно в угличской ссылке!

Напомним, что ещё в 1329 года Углич в результате знаменитой «купли» князя Ивана Калиты отошёл великокняжескому дому. Эти земли давались в кормление преимущественно великим князьям. Летописи не уточняют местонахождения княжеского семейства, но можно логически выяснить, где именно они находились и почему местом ссылки были выбраны именно Угличские земли.

Вероятнее всего, по причинам как стратегическим, так и практическим. Здесь удобнее всего было следить за опальным князем. Углич всё-таки был не маленьким и достаточно оживлённым, находящимся на пересечении торговых путей. И можно было не тратить казну на кормление семьи князя Василия. Ведь его супруга владела под Угличем достаточно обширной вотчиной, в том числе и селом Хоробро-

вом. То предположение, что семейство проживало именно в вотчине княгини Марии, имеет под собой логическое обоснование. Не сохранилось никаких достоверных или косвенных доказательств либо преданий о жизни князя Василия в Угличе. А вот пребывание его в вотчине супруги можно проследить по народным преданиям и местным топографическим названиям. Этой интересной теме мы обязательно посвятим отдельное повествование. А сегодня мы обращаемся к удивительному духовному наследию селения под таким красноречивым мелодичным названием, от которого веет византийским происхождением – «Хороброво».

ЛЕСНОЙ ОДИГОН

Угличские церковные историки-краеведы XIX века протоиерей Константин Ярославский и протоиерей Николай Воскресенский в ходе своих фольклорных экспедиций по Угличу обнаружили ряд интереснейших народных сказаний. Речь шла о существовании на территории самого селения Хороброво и близ лежащих пустошей древнейшего келиотного монастыря. Даже название сохранилось! И такое красноречивое, с греческим уклоном: «Одигон» – видимо, по выше описанному нами константинопольскому храму и монастырю.

Причём обращал на себя внимание факт особого почитания в Хоробровской волости с древнейших времён иконы Божией Матери Одигитрии. Почти в каждом семействе имела эта икона. Интересно, но местные жители – кацкари – употребляли название образа как Одигитрии и Божией Матери Одигон, не прибавляя обозначения Смоленской. В таком случае, можно сделать предположение, что икона Путево-

дательница была известна и почитается в этой местности задолго до её появления в Смоленске, то есть до 1097 года. И это ещё одно из косвенных предположений о существовании в Хороброве византийской обители. По этому вопросу отец Николай Воскресенский провёл детальное исследование уже в Московском Новодевичьем монастыре, разбирая его архив, вывезенный с Хоробровского монастырского подворья в конце XVIII века. Но вернёмся к версии появления греков в наших землях.

Когда могли прийти в эти места монахи-отшельники? И были ли это монахи-мужчины? Версия о. Николая: предположительно, конец VIII-го – середина IX-го веков, время иконоборчества в Византии. Несколько версий миграций греков из Византии во времена иконоборчества высказывает, пожалуй, самый известный историк византийской культуры XIX века Габриэль Милле. Основные гонения пришлись тогда именно на монастыри, которые большей частью ушли в Рим. Давайте определим чёткие временные границы. Итак, в 730 году император Лев III издал эдикт о запрещении икон. Но только при его приемнике Константине V (741-775 годы) иконоборческое движение достигло максимально широкого распространения по всей империи. Восстановление почитания икон произошло в 843 году от Рождества Христова. За период иконоборчества из Византии ушли почти все монастыри: как мужские, так и женские. По мнению Г. Милле, некоторые подвижники устремлялись кроме Рима и в славянские земли, доходя до Ладожского озера. Он предположил, что это была первая волна миграций греков на Русь, продолжившаяся затем в XI-м, XII-м, XIV-м и XV-м веках. Славянские племена в основном отличались терпимостью и гостеприимством к грекам-изгнанникам. Причём заключения Милле весьма достоверны и документально обоснованы.

В нашем случае попробуем предположить, как могли попасть греки-пилигримы в бескрайние леса Северо-Западной Руси? Одна из возможных версий кажется наиболее правдоподобной. Ответ на этот вопрос лежит, видимо, на поверхности Чёрного и Каспийского морей, широкой Волги и речки Корожечны. Водный путь «из варяг в греки» был известен с давних времён, особенно Волжский путь. Хотя первое документальное упоминание об этом пути встречается в Бертинской летописи только в 839

году. Кстати, там же упоминаются скандинавы как послы Руси при византийском дворе!

Итак, предположим, что монахи могли прибыть в Угличские земли этим же самым водным путем, с караванами торговцев. Возможно, продвижение на север заняло у них несколько лет. Далее они выбрали место, подходящее для проживания в окрестностях нынешнего Хороброва и начали обустраивать монашескую жизнь. Можно с большой долей уверенности предположить, что эти земли были безлюдны. Время заселения этих земель о. Николай Воскресенский условно определил началом IX века, исходя из собственных исследований так называемого культурного слоя в том же Хороброве и своих интересных находок византийского происхождения, о которых мы говорить пока не будем.

Первыми поселенцами здесь были именно греки. Поэтому до нашего времени сохранились звучные византийские географические названия в этих местах! Хотя славянских, финно-угорских (конкретно – мерянских) топографических названий разного периода здесь тоже хватает. Где же могли находиться первые келии греческих отшельников? Это настолько очевидно, что можно не проводить поисков с помощью специалиста по византийской палеографии. Это могли быть окрестности деревни Кологривцево. Открываем словарь греческого языка и читаем: «КАЛОГΡΙΑ», транскрипция – «калогриа», перевод на русский – «монахиня». Итак, нам открывается интереснейший факт! Значит сюда пришли женщины – христианские подвижницы! Мужчина-монах звучит несколько иначе: «КАЛОΓΕΡΟΣ» («калогерос»), русский перевод – «монах». Отец Николай Воскресенский выдвигал версию, что монастырь мог быть посвящён Божией Матери Одигитрии. Название Одигон он обнаружил в архивах Новодевичьего монастыря.

Обращают на себя ещё несколько географических названий, имеющих явно византийские корни. Это название селений:

Аристово: «ΑΡΙΣΤΟΣ» («аристос»), перевод на русский – «наилучшее, самое красивое место»;

Киндяково: «ΚΥΡΙΑΚΗ» («кирьяки»), перевод на русский – «воскресенье, праздник Господень»;

Парфёново: «ΑΓΙΟΣ» «ΠΑΡΘΕΝΑ» («агиос парфэна»), дословно «Пресвятая Дева».

Упускаем слово «пресвятая», получаем одно слово «дева». Кстати, в Византии употреблялось это слово по отношению к монахиням. Но в

случае с Парфёновом нужно сделать уточнение, что это лишь версия, так как возможно происхождение названия от имени собственного. Различие слова «кирьяки» с Киндяково тоже объясняется весьма просто и логично. Оказывается, в греческом языке есть понятие умилительно-ласкательной формы слова. В нашем случае «рья» было заменено на «ндя».

Но вернемся к нашему Кацкому монастырю, а именно к его предполагаемому названию Одигон и особому почитанию иконы Божией Матери Одигитрии. Нет ничего удивительного в названии монастыря, ведь икона Одигитрии была одной из самых почитаемых в Греции. Из византийской истории нам известно, что первый женский монастырь был основан сестрой Пахомия Великого в византийской Латрии в начале V века. Монастырь был келиотным, то есть отшельницы проживали в нескольких келиях-колицах поодиночке и собирались на общую молитву в единое место, если не имели келии-храма и священника, который бы исполнял Богослужебный круг и все необходимые требы. Вычитывать продолжительное молитвенное правило, когда не было своих священников, повелось именно с первых келиотных монастырей. Сёстры-монахини делили молитвенные обязанности поровну и соблюдали так называемую «чреду». Периоду с V-го по X-й век от Рождества Христова соответствует так называемый иерусалимско-палестинский свод богослужебной церковной тради-

ции. Это был особый синтез принятого Церковью на то время свода Богослужений святителя Иоанна Златоустого и специфических монашеских молитв. Вычитка полного суточного круга молитв могла составлять до 15-18 часов в сутки. В настоящее время только монастыри Святой горы Афон придерживаются этого древнего богослужебного правила.

Первые келиотные женские монастыри Древней Византии были весьма немногочисленными, от семи до двадцати сестёр. Вообще, в сравнении с количеством мужских обителей женских на территории Греции, Малой Азии и Египта было совсем немного, в соотношении один к десяти. Женские монастыри чаще всего посвящались тем святыням, которым молились монахини. В большинстве своём это были иконы Божией Матери либо частички мощей святых мучениц раннего периода христианства: Равноапостольной Марии Магдалины, Великомученицы Екатерины, Великомученицы Варвары, Великомученицы Параскевы и Праведной Елизаветы, матери Пророка и Предтечи Крестителя Иоанна, а также праматери Анны. На момент начала эпохи иконоборчества в Византии существовало около 10 келиотных женских монастырей.

Один из самых крупных монастырей Панагии Одигон, численностью 30 сестёр, находился в Константинополе при храме Одигон, о котором мы рассказывали в самом начале. Думаю, здесь необходимо осветить одну интересней-

Могильный крест на сельской площади Крест.

шую версию Габриеля Милле. Речь идёт о печальной участи этой женской обители во времена иконоборчества. Монастырь был разграблен и наполовину разрушен. Известно, что насельницы Панагии Одигон в составе 18 сестёр покинули Византию в конце VIII века и перебрались в Рим. Но куда делись оставшиеся 12 сестёр? Милле не нашёл их следов ни в Египте, ни в Риме, ни в Африке, ни в Палестине. Он высказал предположение о миграции части Панагии Одигон в Русские земли. Неужели мы имеем дело именно с этими исчезнувшими неизвестно куда насельницами?! И эта часть известной константинопольской обители нашла себе пристанище в Хороброве?!

Когда период иконоборчества закончился, монастыри вернулись на свои исторические места. Возродился и Панагия Одигон при императоре Михаиле III в 852 году. Просуществовал монастырь до падения Константинополя в XV веке. Причём Г. Милле утверждает, что монахини Одигона покинули монастырь почти в полном составе и снова устремились на Русь. Это была уже последняя их миграция и, вполне вероятно, всё в том же направлении. Неужели Московский Новодевичий монастырь является преемником древнейшего константинопольского Одигона через свое Хоробровское подворье!? Наверное, эта загадка останется нам на века!

Но вернёмся с берегов тёплого Средиземноморья на берега более нам близкие и родные, в леса Угличского левобережья. Следует сделать одно важное пояснение или уточнение, связанное с образом Божией Матери Одигитрии. Почитание этого образа было распространено кроме Хороброва и Кацкого стана также по всей пойме реки Корожечны. Население сёл Спасского, Красного и Бурмасова сохраняло почитание Путеводительницы также с древнейших времён. И в селе Спасском, например, так и не привилось второе название образа – Смоленская. Отец Николай Воскресенский в 1911 году так записывал в своём дневнике: «... На мой вопрос к неграмотному 80-летнему крестьянину села Спасского Козьме Фомичёву, какая самая почитаемая у него икона в красном углу, он ответил: *«Спас да Матушка Одегидря»*. Мои уточнения словом «Смоленская» привели старика только в замешательство и смущение: *«того не ведаю батюшко, Одегидря, как отец мой сказывал и праотец! Так все наши кличут»*».

С этой иконой были связаны множество церковно-народных

обрядов, которые записали священники. Все важнейшие события в жизни крестьянской семьи сопровождала икона Одигитрии. Ею благословляли на вступление в брак. Она же шествовала во главе траурных процессий на погост. Её же просили о милости и покровительстве во время стихийных бедствий и эпидемий.

Наряду с преданиями о монастыре и иконе отец Николай Воскресенский нашёл немало народных преданий о князе Василии Тёмном. Этой теме, как было обещано ранее, мы обязательно посвятим следующее исследование.

Вкратце напомним, что в 1447 году князь Василий с большим трудом вернул себе московский трон. А тот год, проведённый им в Угличской ссылке, впоследствии явил ряд удивительных событий в жизни самого князя и его потомков.

МОНАСТЫРЬ ОДИГИТРИИ НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ

Итак, в 1503 году сын Василия великий князь Иван III, отвоевав у Литвы Мценск, Брянск и другие западнорусские земли, под Смоленском потерпел неудачу. Походы 1512-го и 1513-го годов, предпринятые его сыном, Василием III, также закончились ничем. В 1514 году московские войска вновь подошли к граду Пресвятой Богородицы. Стоя под стенами древней российской твердыни, более ста лет находившейся под властью Литвы, великий князь дал обет: «Коли Божией волею достану свою отчину, град Смоленск и земли Смоленские, тогда поставлю в Москве на посаде Девичь монастырь, а в нём храм во имя Пречистыя». И Смоленск был взят!!!

Великий князь Василий III не забыл своё обещание. 13 мая 1524 года была основана «Велия обитель Пречистой Богородицы Одигитрии» – Новый монастырь на Девичьем поле

Кованые веретви Хоробровского кладбища нет-нет, да и вспомнят монастырские времена...

Снимок С. Темняткина, 2008 год

с соборным храмом в честь иконы Смоленской. Обитель поставили в трёх верстах от Кремля, где в 1456 году князь Василий Тёмный с народом прощался с чудотворным образом. В соборный храм монастыря торжественно, при большом стечении народа был перенесён образ Богородицы Одигитрии из кремлевского Благовещенского собора. Это событие совершилось 28 июля 1525 года. С тех пор установился благочестивый обычай всех московских государей и государынь накануне вечером 27 июля выезжать со своими свитами на празднование Смоленской иконы в Новодевичий монастырь.

В 1575 году произошло ещё одно важное духовное событие в жизни Новодевичьей обители. По жалованной грамоте государя Ивана IV Грозного монастырю были дарованы земли села Хороброва. На тот момент вотчина находилась во владении великокняжеского дома и принадлежала княгине Иулиании, урождённой Палицкой, супруге государя брата князя Юрия. Таким образом, духовная цепь истории, наконец, замкнулась, доказывая тем самым право на возрождение, возможно, самой древнейшей из женских обителей на территории северо-западной Руси – Хоробровско-

го монастыря «Одигон».

ГОРЫ, ПОКРЫТЫЕ ГУСТЫМ ЛЕСОМ

В заключительной части нашего исследования приведём, наконец, перевод с греческого названия села Хороброва. Обратимся к византийской палеографии V-IX веков от Рождества Христова. Итак, по греческому обычаю, слово состоит из двух корневых значений: «ХОРОС» и «ВОРОВОС» («*хорос*» и «*боровос*»). В настоящее время оба утратили своё первоначальное значение. Однако в современном греческом языке сохраняются единокоренные и близкие по смыслу слова.

«*Хорос*» – название верхней округлой галереи храма. *Хоры* – место, где располагались певчие во время Богослужения. Значение слова *хор* нам известно без объяснений. Первоначальный смысл слова «ХОРОС», бытовавший в Византии в V-X веках, обозначал высокую гористую местность, избранную для Богослужений. В современном греческом языке слово изменилось и стало обозначать «народный танец». Как объясняют палеографы, в этом нет ничего удивительного. Ведь греки – народ эмоциональный. После чинных Богослужений в храме, как запускаемое по кругу паникадило, они сами, преисполненные духовной радости и благодарности, совершали круговой ритуальный танец во славу Божию. Нам, русским, этого обычая, конечно, не понять! Но это самое искреннее и детское выражение радости и благодарности Господу угодно было в его очах.

Давайте разберём со значением второго слова. «*Боровос*» – дословно обозначает густо заросшую лесом местность. Однокоренные слова, уже успевшие обрусеть – *боров* и *бровь*. Соберём перевод названия Хороброво воедино и получим не что иное как «высокая гористая местность, густо поросшая лесом». Похож этот пейзаж на современное село Хороброво? Без сомнения!!! Вот только густого леса, к сожалению, не осталось. Весь выкорчевали! Обнажив те самые Хоробровские горы, где в окружении чисто славянских названий: гора Круча, Иванова гора, гора Поповка, Вшивая горка, Стрижовы горы, Красная горка – присутствуют два красноречивых греческих названия: гора Слабутина и гора Кокуйка.

Интересно происхождение названия горы Слабутины. Обратимся к византийской палеографии V-X веков. Название явно содержит два корня – значит, состоит из двух

слов, как это часто встречается в греческом языке: «Сло» и «Бутино». Первое утеряло одну гласную «о»: мы имеем «ΣΟΛΟ» («*соло*») – «кислая». Второе переводится как «основание» или «крупный пласт земли» – «ΒΟΥΤΙΣ» («*бутис*»). Что мы получаем в итоге? Гору, в основании которой лежит большой пласт кислой земли. Кстати, греки не делают различий между значениями слов «кислый» и «солёный». Например, всем известный греческий город Салоники, также получил своё название по непригодной для земледелия его почве, слишком кислой и тяжёлой, на которой успешно произрастают лишь некоторые сорта винограда да пряный сорт маслин «фивос».

Название горы Кокуйка явно произошло от значения «ΚΑΚΙΑ» («*какоя*» или «*кокия*»). Переводится, как «несчастье» или «утрата». Обращаем внимание, что в греческом языке почти не произносится гласный звук (тефтонг) «У». Он заменяется на «оу» или просто развернутый тефтонг «оо». Итак, можно выдвинуть версию, что какое-то горькое событие постигло греческих монахинь в этом месте. История надёжно хранит свои тайны! Удивительно то, что, не зная имён греческих подвижниц, сегодня, спустя одиннадцать веков, по топографическим названиям мы можем проследить некоторые события жизни обители и даже чувства монахинь!

Монастырь в Хороброве просуществовал с VIII-го по XIII-й век. И, вероятнее всего, был сожжён татарами. Далее жил как женская общи-

на. После греческого своего начала, наверное, обитель подпитывалась уже местными подвижницами, ищущими уединённого образа жизни. Впрочем, XV веке в Хороброве снова появились греческие монахини из Константинополя. Среди них была и последняя настоятельница Панагии Одигона Ксения – это пока единственное имя, которое нам удалось разузнать.

Подводя итог нашему исследованию, можно, в конечном счёте, предположить, что келии монахинь находились в деревне Кологривцеве, а вот храмовая келия была в самом селе Хороброве. Первоначальное место тоже не вызывает никаких сомнений – это гора Слабутина. Открытое пространство, высокая гора, без густой растительности, где можно было устроить храмовую келию. В голове сразу же проносятся образы греческих Метеор, основанных, кстати сказать, в том же IX веке. Ведь молиться Богу лучше ближе к небесам, чтобы ничего не закрывало и не отвлекало от бездонной высоты и чистейшей глубины небес. Так что можно прямо провести ещё одну историческую параллель между греческими Метеорами и хоробровской возвышенностью Слабутиной, затерявшейся в лесах северо-западной Руси. И там, и там совершалась молитва византийскими подвижниками!

И то, что местные жители побавивались этой горки – тоже понятно. На святом месте, по церковному преданию, незримо всегда присутствует ангел, охраняя и защищая

Вид с горы Слабутины на кацкие поречины.

Снимок Ольги Алексеевны Перовой, 2013 год

его от поруганий. Ангел не допускает праздный мирской люд сюда. Поэтому часто около таких мест как бы «водит», слышатся странные звуки и голоса. Но в духовном смысле все эти явления вполне объяснимы. Когда человек начинает духовный образ жизни, все страхи исчезают, улетучиваются, и он начинает ощущать сильнейшую благодать святого места. Так, вероятно, обстоит дело и с горой Слабутиной!

Заселение Хороброва, как мы упоминали ранее по версии о. Н. Воскресенского, произошло в IX веке. Так часто бывает, что люди селятся вокруг обители. Наглядный тому пример – это город Сергиев Посад. Можно ещё упомянуть Звенигород, Задонск, Козельск и Саров. Подворье Новодевичьего монастыря просуществовало в Хороброве до известной реформы Екатерины II, то есть приблизительно до 70-х годов XVIII века. Далее оно было упразднено и обращено в обычный сельский приход. Сохранились некоторые подробности жизни монастырской вотчины. Известно, что сюда уходили из Мос-

ковского монастыря схимницы, ищущие уединения от шумной столицы. Ещё известно о мастерницах – монастырских ткачихах, что обеспечивали высококачественным льняным полотном весь монастырь. И до сих пор в Новодевичьем монастыре существует предание о хоробровской монастырской коптильне! Видимо, рыба в речке Кадке водилась в те времена в изобилии.

Сегодня, к сожалению, в Хороброве царит запустение. Село, как говорят, «нарушилось» – жители все до одного разъехались. Но как знать, возможно, завтра сюда придут монахини из Московского Новодевичьего монастыря, посмотрят на эти благодатные земли Пречистой Божией Матери Одигитрии и решать вновь строить здесь своё подворье. На все воля Божия!

НЕЛПДА ПЕӨАΙΝΕΙ ΤΕΛΕΥΤΑΙΑ!!!
Надежда умирает последней!!!

*Елена Валентиновна Куликова,
Угличский филиал
Государственного архива
Ярославской области*

ИСТОЧНИКИ:

1. Милле Габриэль «Византийская Русь», Санкт-Петербург, 1886 г.
2. «Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря», Москва, 1885 г.
3. Поселянин Е. «Богоматерь», Санкт-Петербург, 1900 г.
4. Лихачёва В.Д. «Искусство Византии IV-XV веков», Ленинград, 1981 г.
5. «Византия. Балканы. Русь. Иконы XIII-XV веков», Москва, 1991 г.
6. «Чудотворная икона в Византии и Древней Руси», Москва, 1996 г.
7. Частное собрание «Рукописный архив протоиерея Н.А. Воскресенского», Санкт-Петербург.
8. «Статистическое описание Ярославской области. Том I. Мышкинский уезд», Ярославль, 1900 г.
9. Липинский М.А. «Угличкия писцовыя книги. Углицкий уезд в XVII веке», Ярославль, 1887-1888 г.
10. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков», г. Москва-Ленинград, 1950 г.

Хоробровские горы: 1 – Круча, 2 – Кокуйка, 3 – Иванова гора, 4 – Поповка, 5 – Вшивая горка, 6 – Слабутина, 7 – Стрижовы горы, 8 – Красная горка. Согласитесь, а ведь в обычае называть высокие берега рек горами есть тоже что-то византийское...

Схема выполнена на основе карты Александра Ивановича Менде, 1855-1857 годы

С книжной полки

Заметки о книге «Давно минувшее...»

Эта книга вышла в Угличе совсем недавно – в 2013 году, но кацкари хорошо помнят опубликованные в «Кацкой летописи» две её части, где действие разворачивается аж с конца XIX столетия: «Книгу о родных» и, особенно, «Милое-милое Юрьевское». Уже читая в журнале эти дивные воспоминания Софии Кузьминичны Ивановой-Шершнёвой о своём детстве, я задавалась вопросами: почему они так интересны мне? откуда идёт ощущение новизны, яркость восприятия и полная включённость в текст при чтении произведения, созданного, казалось бы, вовсе не профессиональным литератором? О, нет – дело далеко не только в простоте и лёгкости его слога...

Владимир Набоков отметил в танланте Гоголя удивительную черту: даже всего лишь мелькнувшие в метафоре или сравнении образы, обозначенные одной-двумя чертами, становятся полнокровными и запоминаются не менее главных персонажей. В одном предложении иногда проживается целая жизнь. Набоков пишет, что «эти персонажи второго плана утверждают своё существование иногда простейшим способом: используя манеру автора подчёркивать то или иное обстоятельство или условие и иллюстрировать их какой-нибудь броской деталью. Картина начинает жить собственной жизнью...».

Он приводит пример из седьмой главы «Мёртвых душ», где Гоголь хотел передать ощущение ночи, наступающей в провинциальном городке: «Скоро... все угомонились, и гостиница объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден был ещё свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик, большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз подходил он к постели, с тем, чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго ещё поднимал он ногу и обматривал бойко и на диво стачанный каблук».

Этим кончается глава, но и по сей день поручик мерит свой бесмертный сапог, и кожа блестит, и свечи ровно и ярко горят в одиноком светлом окне мёртвого городка, накрытого звёздным ночным небом. Я не знаю более лирического описания ночной тишины, чем эта сапожная рапсодия, – делает неожиданный вывод всемирно известный писатель.

Столь же неожиданно для себя названную гоголевскую черту, то есть когда примеры, необходимые

для общей картины, начинают жить своей незабываемой жизнью, я увидела в воспоминаниях Софии Кузьминичны. Так, данный для характеристики обстановки и отношений среди учеников Юрьевской школы эпизод, остаётся и сам по себе в сердце и памяти читателя:

«Однажды в ненастный день на перемене, когда все находились в классе, Ваня Дурандин из Глинина – такой тихий, совсем незаметный бледненький мальчик очень маленького роста – запел потихоньку. Кто-то из ребят сказал:

– А ну, Ванёк, погромче!

И Ваня запел удивительно сильным красивым голосом. Ах, как хорошо он пел! Все прилохли – слушают, как Ваня поёт. Ваня допел песню, ребята попросили его спеть ещё. И он поёт ещё и ещё. Песен он знает много; мне особенно понравилась трогательная песня про мальчика из отряда красных бойцов, его схватили белые и пытали.

...Повис Ванюшка на сосне

За то, что белым

не ответил, –

так заканчивается песня. А у меня на глазах слёзы выступили, так мне жалко повешенного Ванюшку!

Теперь Ваня Дурандин из маленького незаметного мальчика превратился в заметную личность. Его часто на переменах просят петь, и он никогда не отказывается – поёт и грустные песни, и весёлые, старинные и новые. Из старых песен он тянет протяжным голосом:

Позабыт, позаброшен

С молодых юных лет;

Я остался сиротой,

Счастья-доли мне нет...

И весёлую, задорную:

Раз полосыньку я жала,

Золоты снопы вязала...

Поёт и «Ноченьку», и «Лучи-

нушку». Из новых песен он поёт: «Там вдали за рекой уж погасли огни», «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян», «Мы кузнецы, и дух наш молод» и другие.

Зимой Ваня перестал ходить в школу. Кто говорит, что он заболел и умер, а кто – что отец у него умер, а мать болеет; семья большая, голодают, и Ваня ходит по деревням и просит милостыню. Он и в школу-то до заморозков ходил босиком, а потом в больших, не по росту, сапогах – голенища выше колен, что и ноги-то переставляет в них трудно».

Или другой эпизод: через описание добротного устроенного пруда, дома, ставшего колхозной конторой и клубом, сада, окаймлённого по насыпи-валу непролазными кустами сирени с широкими аллеями из кустов лесного ореха, превращённого в ничейный, возникает характер семьи раскулаченных и сосланных в Сибирь Кондыревых, которых героиня повествования уже не застала.

Воспоминания Софии Кузьминичны несут на себе также явные черты так называемого романа воспитания, содержанием которого является психологическое, нравственное и социальное формирование личности главного героя. Блестящим примером такого рода вслед за «Подростком» Достоевского можно назвать последний роман Булата Окуджавы «Упразднённый театр». Вот и в книге Ивановой-Шершнёвой удивительно интересно следить за взрослением героини. Как в ситуации нравственного выбора возникает, осознаётся и укрепляется чувство собственного достоинства.

Только один пример. Вот мама нашей Софии, отправляясь на работу на ферму, приводит маленькую дочку к соседке – у той тоже девочка, которую не с кем оставить, а вдвоём спокойнее. «Как только утром меня мать приведёт к Вале и мы с ней остаёмся одни, быстро съедаем вдвоём картошку, что мне мама оставляет на обед... Днём на обед приходят баба Катерина и тетя Оля, садятся троём обедают. А я стою у самого стола, с жадностью смотрю, как они едят горячие щи из большого блюда, переглатываю слюну, с завис-

Автор книги «Давно минувшее: О родных. Детство. Годы учёбы» Софья Кузьмовна Иванова-Шершнёва на XIV Кацких краеведческих чтениях. д. Мартыново, 6 февраля 2014 года.

Снимок Ирины Александровны Давыдовой, д. Мартыново

тью провожаю глазами каждую ложку щей. Мне ужасно хочется горячих щей. А потом они едят картошку. И я очень хочу картошки! И так каждый день, как они обедают, я подхожу к самому краю стола и подхожу к самому краю стола и подхожу к самому краю стола, так мне хочется обедать! И однажды тётя Оля говорит:

– Ну чего ты встала тут? Иди, поиграй, пока мы обедаем. Нехорошо стоять у стола, когда обедают.

И я ухожу пристыжённая, боюсь, как бы мне не разрыдаться. Сажусь на скамью и отворачиваюсь к окошку, истратив все свои силёнки на то, чтобы не расплакаться. С тех пор всегда, как они обедают, я сажусь у окна – делаю вид, что рассматриваю за окном чего-нибудь, а сама еле успеваю перелатывать слюну».

И что же: у ребёнка возникает озлобление, чувство униженности и несправедливости? Нет. Под влиянием беспредельной доброты и отзывчивости мамы и тяти (так дети называют отца, Кузьму Фёдоровича), старших братьев, их понятий о нравственности у девочки формируется деятельное сочувствие к людям, которое проявляется как в род-

ной семье, так и с посторонними. Когда во время войны в голодном Угличе, куда пешком из деревни Иванисова ходит учиться подросток Соня, в школе на большой перемене всем ученикам выдают по 50 граммов хлеба, она поступает так, как велит ей сердце: «Обычно дежурный составляет список и по этому списку в буфете получает хлеб на весь класс. Я не испытываю голода, у нас есть и мука, и много картошки, и сыта. И я никогда не беру школьный хлеб, а отдаю кому-нибудь из учеников. Желающих много, я отдаю свою порцию каждый день другим».

Ещё в девятнадцатом веке автор пьесы «Стакан воды» драматург Эжен Скриб произнёс фразу о том, что если в первом действии на стене висит охотничье ружьё, то в последнем оно непременно должно выстрелить. Эта всем известная метафора в книге Софии Кузьминичны сочтена настоящей, не придуманной кровью сердца. Я говорю о любимом брате нашей героини Михаиле Шершнёве, или Мине, как зовут его родные. Уже зная по первой части произведения о гибели Мины на фронте, мы читаем о его детстве. О его доброте, ответственности за окружающих, удивитель-

ном для подростка внимании к младшей сестрёнке. Вот она проглотила половину червяка, откусив червивое яблоко, и бежит к Мине:

«– Что теперь будет? Умру? Червяк там будет грызть меня, как грыз яблоко? Да? – шмыгая носом и размазывая по лицу слёзы, спрашиваю я у Мины. Мина улыбается, ласково уговаривает меня:

– Да не бойся! Это совсем не страшно, я знаю, как червяка растворить в тебе. Подожди немного, я за лекарством сбегаяю домой.

И убегает в дом. Вскоре возвращается с чашкой в руке, а в чашке «лекарство»: в воде плавают семена от свежего огурца.

– Пей скорее! Ну, вот и всё! Ну, как? Нигде не болит внутри тебя? Теперь всё в порядке! Червяк внутри тебя растворился весь без остатка, и следа от него не осталось ничего.

Я прислушиваюсь к своему нутру – не шевелится ли там червяк. Нет, не слышно. Видно, и вправду, растворился без следа».

Мы ощущаем тепло и свет, идущие от Сониного старшего брата, которые передаются даже нам, незнакомым с ним людям:

«Часто по вечерам у нас совсем как праздник! Мина, придвинувшись к лампе поближе, читает вслух чего-нибудь интересное. Мы все слушаем, особенно любит слушать тятя. Мина и Геня очень много читают, особенно Мина. Он уже перечитал все наши книги, что тятя привёз из Петрограда, и у Анны Васильевны Неждановой все книги перечитал. Теперь берёт в Рождествене в школе – там есть библиотека...

А в каникулы сколько интересных дел у нас дома! Мы клеим домики из бумаги. Вместо клея – варёная картошка; вместо цветной бумаги – разноцветные обложки от исписанных тетрадей. У Мины такие замечательные домики получаются: со светёлками, крылечками, дворами – целая деревня разных домиков! И у Гени получаются хорошие домики. А у меня кривобокие, крыши у них набекрень, окна не одинакового размера и на разных уровнях, а у крыльца дверь величиной с окошко. Мина говорит:

– Ну, куда ты так торопишься? Я вот один домик сделал, а ты за это время успела два слетить... Тут главное – не спешить! Вот же линейка, по ней отмеряй. А то вон каких убогих налепила.

И ещё Мина сделал шахматы.

На большом листе плотной бумаги раскрасил шахматное поле. А шахматные фигурки плоские, из бумаги, но очень хорошо стоят на поле и передвигать их удобно. Миня с Геней подолгу играют в шахматы. И меня учат играть».

Читая про то, как Миня с помощью Гени, руководствуясь журналом «Пионер», сами делают лыжи, сани с рулём и даже деревянный «автомобиль», я вспоминаю, как моя мама рассказывала про таких же умельцев-братьев в её родном селе Вошажникове, катавшихся на созданном ими деревянном велосипеде. Они, как и Миня, как и старший любимый брат моей мамы Володя, пропали без вести во время войны. От семьи никого не осталось, и никто не помнит имён этих талантливых мальчиков. В рассказе о Мине – словно живут, воскрешённые, и они тоже.

Удивительные в книге не только неповторимые детали быта в контексте времени, но и выдержанность слога, редкая даже для профессионалов. Повествование ведётся именно от лица девочки, а взрослая рука его автора видна только в подборе деталей, в композиции. В качестве противоположного примера приведу строчки из стихотворения «Выезд» прекрасного поэта Давида Самойлова (автора знаменитого «Сороковые, роковые...»), где наряду с подлинно детским восприятием: «*конь, пролётка, и кнут, и рессоры*» или «*и мы едем незнамо куда, – / Всё мы едем и едем куда-то*», досадно вклинивается отнюдь не детское: «*А в Москве – допотопный трамвай, / Где прицепом старинная конка /... Всё впечаталось в память ребёнка*». Ведь не «допотопность» же впечаталась! У Софии Кузьминичны в её описании первого в жизни путешествия из Юрьевского через Углич таких «проколов» нет.

Органичной частью книги являются фотографии, на которых мы видим воочию тех, о ком с такой любовью пишет Иванова-Шершнёва, видим дома, в которых жили наши герои в разные годы. Автор точен в деталях, и фотографии как будто «узнаваемы»: борода отца, не помещавшаяся под новогодней маской, сделанной сыновьями; помятое «парадное» платье мамы, которое специально достали из сундука, а разглядить нечем: в семье нет утюга; милое лицо первой учительницы...

Не меньшую ценность лично для меня представляет последняя часть книги – студенческая, которая не была опубликована в «Кацкой летописи». Дело в том, что моя мама, тогда Маруся Титова, была всего на год постарше Сони Шершнёвой и, с отличием закончив школу в Вошажникове в 1944 году, тоже поехала учиться в Москву – только не

в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (МИИГАиК), как Соня, а в Московский геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе (МГРИ). И общежитская жизнь, и практика, и камералка, и посещение театров – всё так похоже! И похожи фотографии из семейного альбома: обе в девять лет пострижены под мальчика, в семнадцать – девически-строгий взгляд и толстые косы с прямым пробором, а в двадцать один, к окончанию института, – улыбчивая прелесть и очарование.

Интересные ассоциации возникают и при чтении первой части книги – «О родных». София Кузьминична умеет рассказать не только о состоявшихся судьбах, раскрывшихся характерах (отце, маме, братьях), но и о жизненно неудавшихся, обнаруживая в них добрый человеческий потенциал. И у нас тоже, как у автора, шемит сердце, когда читаем о спившемся человеке, разбитом параличом, который дарит двоюродной сестре пачку открыток с картин Третьяковской галереи, хранимых им с юности. И с печалью вспоминаем, что его отец не вернулся с войны... Так, на картинах Рембрандта в чертах стариков мы читаем все заложенные в них прекрасные возможности, пусть и не реализовавшиеся, но художник смог сделать их видимыми и для нас.

«Давно минувшее» Софии Кузьминичны Ивановой-Шершнёвой – одна из тех книг, которые закрывают лакуну в восприятии русской деревни изнутри, благодаря чему она не уйдёт в небытие совсем. Ведь в самом деле: люди Отечественной войны 1812 года живут в сердце, пропущенные через восприятие Л.Н. Толстого, казачество – через Гоголя и Шолохова, а крестьянство – разве оно менее достойно быть частью нашего духовного мира? И потому закончить мои заметки я хочу словами Владимира Набокова, сказанными в 1937 году:

«Когда среди людей есть Человек, то его лучезарное влияние стоит лучших умов прошлого. Конечно, с обывательской точки зрения, может показаться, что мир становится всё хуже и хуже... Но взгляд философа, созерцающего жизнь, искрится доброжелательностью, подмечая, что, в сущности, ничего не изменилось и по-прежнему остаются в почёте добро и красота. <...> Поэтому хотелось бы думать: то, что у нас зовётся искусством, в сущности, не что иное, как живописная правда жизни; нужно суметь её уловить, вот и всё. И жизнь становится занимательной, когда погружаешься в такое состояние духа, при котором самые простые вещи раскрываются перед нами в своём особенном блеске. Идешь, остано-

вишься, смотришь на проходящих людей, а потом начинается гонка, и, когда вдруг замечаешь на улице ребёнка, удивлённого каким-нибудь происшествием, которое он когда-нибудь обязательно вспомнит, возникает чувство причастности ко времени, поскольку ты видишь этого ребёнка, накапливающего воспоминания для будущего».

Перед нами воспоминания девочки именно из тех лет! И в такт мыслям Набокова звучат замечательные слова из нашей книги: **«Не знают, кто здесь и похоронен. Всё навевает грусть. Зато в глазах красота, не передать словами! Такие травы, цветы – дух захватывает! Всё цветёт, благоухает, жуужжит...»**

«И когда в моей жизни наступал чёрный период и жизнь казалась мне обузой, не в меру моих сил тяжёлой и мрачной, – передо мной всегда вставали мои родители и братья... И стоило мне вспомнить моих родных, как у меня появлялись силы и жить, и появлялись надежда и вера на лучшее. И хотелось быть такой же выносливой и с достоинством перенести все жизненные тяготы и неурядицы. Во мне постоянно живёт гордость за свой род...»

Поэтому «Давно минувшее» Софьи Кузьмовны (так по-кацки) Ивановой-Шершнёвой отнюдь не является давно прошедшим; и старческие руки на чёрном фоне её книги я бы заменила сияющим светом её детского лица на фоне вечных деревьев и вечной воды её любимых кацких мест.

Светлана Николаевна Левагина,
Областная юношеская библиотека
им. А.А. Суркова,
г. Ярославль

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванова-Шершнёва С.К. «Книга о родных» // «Кацкая летопись» № 4 (129) осень 2004 года, №№ 1-3 (130-132) зима-лето 2005 года.
2. Иванова-Шершнёва С.К. «Милое-милое Юрьевское» // «Кацкая летопись» № 4 (143) осень 2007 года, №№ 1-4 (144-147) зима-осень 2008 года, №№ 1-3 (148-150) зима-лето 2009 года № 5 (152) осень 2009 года.
3. Иванова-Шершнёва С.К. «Давно минувшее: О родных. Детство. Годы учёбы», Углич, 2013 год.
4. Набоков В.В. «Николай Гоголь», Санкт-Петербург, «Симпозиум», 1999 год.
5. Набоков В.В. «Пушкин, или Правда и правдоподобие», Санкт-Петербург, «Симпозиум», 1999 год.
6. Самойлов Д.С. «Избранное: стихотворения и поэмы», Ростов-на-Дону, 1999 год.

Переписка с читателями

Звали её Маша-монашка

Вспоминаются детство моё в Николо-Топоре и его жители. Вот, жила старушка – звали её Маша-монашка. Невысокая, круглолицая, приветливая. Злых лиц у Николы я не видал. Одевалась просто – какой-то ватничек, «кацавеечка». В общем, неброско.

Дом её стоял у хоробровского угла кладбища – в метрах 50-ти. Небольшой, приземистый; окна и дверь на юг, и сарайчик пристроен. По-моему, была у неё коза и маленький-маленький огорожок. Рядом росли берёза и какие-то высокие цветы.

Мы и фамилии её не знали. Звали Машей-монашкой, а когда она приходила к учительнице Павле Александровне Пятницкой, так та называла её Марией Петровной. Сидели, беседовали, чай попивали. Они пели вчетвером вместе: Нюша Година, Аннушка Поройкова, Аннушка маленькая (Чистякова) и Маша-монашка...

*Борис Михайлович Фёдоров,
г. Санкт-Петербург*

А ведь Маша-монашка и вправду была монахиней: с 23-летнего возраста и до конца жизни, большая часть которой в советское время могла пройти, конечно, только вне стен монастыря.

Жизненный путь её, по метрической выписи, начался по-старому стилю 15 января 1886 года в деревне Нефине Николо-Топорского прихода. Обычная, вроде, ничем не примечательная крестьянская семья. Отец Пётр Иванович Чистяков – коренной нефинский уроженец, в отход не ходил, земледелец-хозяин, «грамоте выучился дома». Мать Катерина Васильевна – взята из рождественских деревень, неграмотная, земледелица при муже. Были и братья: Павел, Григорий, Дмитрий. Дом, как и у всех, рубленый, крытый соломой.

Что привело юную Маню Чистякову в монашество, мы, наверно, уже никогда не узнаем – может, случай какой, а возможно, она к этому готовилась долго. Примечательно место, где она исполняла свой иноческий подвиг. Во-первых, не в обычном монастыре, а в Вауловском Успенском женском скиту Санкт-Петербургского Иоанновского монастыря; жизнь в скитах, как известно, отличалась большей строгостью, нежели в монастырях. Во-вторых, скит этот, располагавшийся по старому административному делению в Борисоглебском уезде Ярославской губернии, был основан ни кем иным, а известным церковным деятелем, ныне канонизированным святым праведным Иоанном Кронштадтским. Он, кстати, любил в нём бывать и писал: «...Местность здесь так хороша, что для восстановления физических сил не нужны никакие другие дачи или заграничные курорты».

Однако ж наша Маша-монашка и Иоанн Кронштадтский при жизни вряд ли встречались: святой умер в 1908 году, а она постриглась в мона-

хини в 1909-м. Но скорее всего, эти два факта взаимосвязаны. Известно, что Иоанн Кронштадтский широко почитался уже при жизни – как великий молитвенник, чудотворец, прозорливец. Неудивительно, что земная смерть его могла подтолкнуть на более высокое служение Богу многих. В том числе и Марию Петровну Чистякову из кацкого Нефина.

Так или иначе, но это всё наши измышления, а документ на комментарию скуп: «В монастырь поступила в 23-летнем возрасте и прожила в нём около девяти лет до нарушения монастырской жизни совластью».

Вауловский Успенский женский скит был закрыт в 1919 году. Мария Петровна вернулась к постаревшим родителям, оставаясь монахиней во миру. Отец к тому времени совсем ослеп, и после смерти его Маня с овдовевшей матушкой Катериной Васильевной перебралась в приходское село Николо-Топор, оставив родительский дом старшему брату Павлу.

В Николо-Топоре ещё действовала церковь, служившая последним оплотом глубоко верующих людей, в основном женщин, прозываемых народом «никольскими монахинями». Жизнь потекла своим чередом: проживала при церкви, работала уборщицей в каком-то из учреждений.

И вот – арест! «По групповому делу архиепископа Угличского Серафима (Самойловича)». Арестовали Марию Петровну Чистякову 26 ап-

реля 1934 года, а 1 июня того же года особым совещанием при коллегии ОГПУ как «члена церковно-монархической организации «ИПЦ» приговорили к трём годам высылки в Казахстан. «ИПЦ» – «Истинно-Православная Церковь», объединившая несогласных с позицией тогдашнего Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), объявившего о примирении с советской властью и сотрудничестве с ней.

Отбыв наказание, Мария Петровна вернулась в Николо-Топор, где едва-едва застала в живых свою престарелую маменьку. Оставшись одна, жила чем Бог послал, а Бог и люди её не оставляли. Когда уже совсем постарела, перешла в дом такой же одинокой и глубоко верующей Анны Николаевны Поройковой – технички Николо-Топорской школы. У неё и умерла 8 октября 1966 года; старые люди, может быть, ещё помнят место её могилы на Николо-Топорском кладбище. Кстати, остаётся невыясненным иноческое имя Маши-монашки – возможно, оно совпадало с мирским.

А время отчётливо показало, что все страдания за веру были не зря. 2 августа 1989 года прокуратурой Ярославской области Мария Петровна Чистякова была реабилитирована, а с 1997 года началось возрождение Вауловского Успенского женского скита – теперь он в Тугаевском районе. Потихоньку возобновляется и православная жизнь Кацкого стана.

Душа Маши-монашки на небесах, должно быть, всему этому радуется. И тихо молится, чтобы Господь нас больше не оставлял...

Ваша «КЛ»

Чистякова Мария Петровна, 1934г.

Заключённая Мария Петровна Чистякова, 1934 год.

Снимок с сайта www.pstgu.ru

У наших соседей

Крестьянский поэт из деревни Наумова

Кацкое и мышкинское порой очень трудно разьединить, как это обычно и бывает у старинных соседей. Вот и крестьянский поэт-самоучка Пётр Горбушин. С одной стороны, он жил и творил в мышкинской деревне Наумове. С другой – и в Кацком стане его творчество когда-то было востребованным. Поэтому-то мы с таким удовольствием и передаём слово нашему автору из Мышкина.

Для исследования народной культуры является чрезвычайно важным наличие не только устных, но и письменных текстов, бытовавших в крестьянской среде. В основе такого интереса, как правило, находятся традиционные жанры фольклора и книжных рукописных памятников той или иной местности. До недавнего времени за пределами такого подхода оставались отрывочные тексты и известия о существовании подобных текстов, которые в современном научном обиходе относятся к «наивной литературе», или примитиву. Чаще в качестве свидетельства здесь выступают самостоятельные поэтические «опусы немелких людей, подражающих образцам «высокой» словесности»¹⁾. Правда, следует уточнить, что исследователи имеют в виду, как правило, культуру XX века.

Наш персонаж, о котором пойдёт речь, жил в XIX веке. Родился в 1847 году в крестьянской семье деревни Наумова Оносовской волости Мышкинского уезда и наречён Петром. Он был четвёртым ребёнком в семье крестьянина Флегонта, умершего, видимо, спустя десять лет после рождения младшей дочери Евдокии. Старшие дети Анастасия и Василий довольно рано ушли в отход в Москву, а позднее к ним присоединилась и младшая Евдокия. Евгений, третий ребёнок, вероятно, остался в деревне. Согласно исповедным росписям, семью вела только мать и вдова Матрёна Трофимова²⁾. В виду физического нездоровья с ней постоянно жил только Пётр. Как писал священник села Николо-Топора отец Павел Автономович Вишневецкий: «Не имея соответствующих своему возрасту физических сил, обычными в крестьянском быте работами не занимался и, по той же причине, остаётся холостым»³⁾.

Но и священника о. П. Вишневецкого, и священника о. Дмитрия Красотина из села Серы (это он опубликовал в «Ярославских Епархиальных Ведомостях» коротенькую заметку-комментарий о крестьянском сыне Петре Флегонтове Горбушине) привлекло другое – его способности к чтению, запоминанию прочитанного и написанию стихов⁴⁾.

Круг чтения Петра был для деревни достаточно традиционным: на первом месте стояла Библия и её раздел Псалтырь, «но знает Кольцова и других авторов». В частности, упоминание поэта Алексея Васильевича Кольцова не кажется случайным. Согласно опросных материалов Тенишевского бюро, он один из самых востребованных и любимых авторов в пореформенной русской деревне⁵⁾.

Оба священника восприняли несвойственное деревенскому жителю умение по-разному. Тон заметки о. Д. Красотина более снисходителен и даже лиричен: «По отзыву очевидцев, когда он (Горбушин – О.К.) пишет стихи, то особенно тоскует». Красотин, нахо-

дясь на поминках по случаю смерти священника села Оносова Симеона Троицкого, в приход которого входила деревня Наумово, видел и слушал выступление деревенского поэта лично, а также с вниманием расспрашивал знающих людей. «Памятью обладает замечательной, раз написанного не забывает. При нас на обеде с полчаса читал без тетрадки свои стихи год тому назад написанные. Очевидцы рассказывали, что у него стихов целый ворох»⁶⁾.

Священник о. П. Вишневецкий отнёсся к крестьянскому поэту настороженно, и причина тому была веская. Горбушин был привезён в деревню Платуново, входящую в приход Николо-Топорской церкви, видимо, по приглашению местных крестьян, как своеобразный духовный авторитет. А судя по записям в «летописи» Николо-Топорской церкви, эта деревня, видимо, ещё до этого события, вызвала особый интерес мышкинского земства и приходских священников в качестве наиболее подходящего места для распространения, в том числе и религиозного, просвещения («средство противодействия суевериям и обычаям») через устройство начального народного училища. Мотивируя эту необходимость о. Павел сетует, что «правда, в приходе нет раскола, ни сект, но, тем не менее, в религиозно-нравственной жизни прихожан замечается много фальши». «...В представлении народном вера и нравственность суть понятия не только различные, но и как бы не имеющие соответствия между собой»⁷⁾.

Училище было открыто 21 октября 1879 года, через полгода после посещения деревни П. Горбушиным. Законоучителем утверждён о. Павел Вишневецкий⁸⁾.

«Исключительное положение Горбушина среди его соседей-крестьян и его необычное в крестьянском быте направление дали ему право на особое уважение, которое ему оказывается не только в Оносовской волости, но и в сопредельных к ней волостях». И далее: «И вот П.Ф. Горбушин в дер. Платунове вместе с его родной матерью; и вот во время дня к нему обращаются с разного рода вопросами: приглашают его разные лица откушать чаю. А вечером под его управлением поются Псалмы»⁹⁾.

То, что священник столкнулся с ярким проявлением народного осмысления и презентации православия, обязывало его положению отнестись к этому феномену со всей строгостью духовного цензора. Для выявления «духа и направления» творчества Горбушина священник устраивает небольшое следствие. Его интересует некая рукопись поэта – «Совет матери». «Законное его требование» получить её для прочтения было удовлетворено своеобразно. Вместо этой рукописи он получает два произведения: «Духовный отец» и стихотворение без названия, датированное ещё 17 июня 1877 года, объясняющее суть склонности автора к стихосложению. Этого оказалось вполне достаточным, чтобы священник сделал вывод о том, что стихи литературно слабы, а явление действительно всего лишь «страсть к лепетанию стихами» (по определению самого поэта). О. Павел успокаивается, тем более что Горбушин наконец-то «отправился восвояси»¹⁰⁾.

Своеобразный поэтический реванш Николо-Топорским причтом был дан через год на страницах «Ярославских Епархиальных Ведомостей». Священник о. Иоанн Павлович Голиков (редкий случай) публикует в издании восемь стихотворений на духовные темы: «Найденный покойник», «Мир души в Боге», «Кто блажен?», «От юности моя мнози борют мя страсти», «Прохожий», «Утешение друга в скорби», «Ангелу хранителю», «Ночь несветла неверным, Христе...»¹¹. Читались ли эти стихи в Платуновской школе, мы не знаем, но их публикация не кажется случайной.

До недавнего времени познакомиться с единственными текстами стихов крестьянского самодеятельного поэта П.Ф. Горбушина можно было только по записи о. Павла Вишневого в церковной летописи села Никольского, что на Топоре, и благодаря её публикации в журнале «Кацкая летопись». Не так давно, просматривая новые поступления разрозненных документов в архив Мышкинского народного музея, обнаружился лист бумаги форматом 36,5 на 25,5 сантиметров с подогнутыми краями. Лист сильно выгорел на свету, как и текст стихотворения с названием «На моей могиле» и подписью автора «Пётр Горбушин» на нём. Лист, вероятно, долгое время находился в рамке, висевшей на стене. Особенностью рукописи является оформление стихотворения в традиции церковно-славянской книжности: это несколько модернизированный полуустав с красными заглавными буквами вначале каждой строки. Есть вероятность, что перед нами автограф крестьянского поэта. Рукопись, явно, придалась какое-то мемориальное значение; она своеобразный памятник поэту, его манифест.

НА МОЕЙ МОГИЛЕ

*Цветите красотой, цветы,
Благоухание изливайте,
А вы пальмовые листья
Меня от зноя прикрывайте!*

*Шиповник, роза с резедой,
Растите вокруг меня грядой,
Благоухание изливайте,
Мою могилу украшайте!*

*Тебе, Творец, хвалу и честь
Я, грешный раб, спешу принести,
Помилуй, Боже мой, помилуй!
Не презри бедного могилу.*

*Одним ведь бедным не под силу
Поставить памятник.
И мы не знаем, чьё тут тело,
Лежит под грубым камнем сим,
Но вместе и с другим
Сочувствует природа им.*

*В моей могиле муравьи
Листы зелёные открыли,
И там, и здесь – везде трава
Коренья прочные пустила.*

*Изредка мелькают цветы,
Зелёным плющом перевиты,
И этим безобразный грунт
Земли изрыт прикрит.*

Пётр Горбушин.

Для понимания и дальнейшего изучения местной народной поэтической культуры находка имеет огромное значение. Особенно это касается волостей Мышкинского уезда, расположенных в верхнем течении реки Сутки: Оносовской, Шипиловской, Ар-

хангельской, смежной с ними Серской, отчасти Харинской и Введенской. По имеющимся наблюдениям, собранным местными священниками в XIX веке, население этого района выделялось целым рядом архаических практик – как «языческих», связанных с суевериями, так и связанных с народным православием, в том числе сочинение и пение духовных стихов. Первенствующее положение здесь занимали «векоуши» (весталки-девственницы) – женщины, избравшие с молодости «спокойную жизнь девственниц». Как пишет их историограф священник о. Александр Соколов из села Шипилова: «Это проводник всего доброго, религиозного в семье, где она живёт, и не только в семье, но часто и в целом обществе – заправитель всеми общественными делами...»¹². Из этой же духовной среды, как известно, вышла и почитаемая мышкинцами старица Ксения Красавина из деревни Ларионовской Архангельской волости¹³.

Из деревни Семёнова той же Оносовской волости происходил ещё один современник Петра Горбушина, возможно, они даже были знакомы – некий старец Захарий. «Личность более чем замечательная. (...) Своим образом жизни, аллегорическими предсказаниями будущего приобрёл огромную известность не только в районе нашей местности, но и далеко за пределами её»¹⁴.

И поэта Петра Горбушина, и старца Захария, и старицу Ксению Красавину, и «векоуш» объединяет несколько общих черт. Это некоторая отстранённость от повседневного крестьянского труда, при том, что они оставались внутри крестьянской общины и прихода, по причине нездоровья или из соображения духовного порядка. Социальная мобильность как внутри своей волости и в соседних волостях, так и за пределами уезда – главным образом это связано с паломничествами по святым местам (монастырям).

Ключевую роль играет грамотность этих людей, которая осуществлялась через «домашнее учение», включающее в себя не только обучение письму и чтению, но, в значительной степени, запоминание «на слух» бытовавших фольклорных текстов, молитв и песен, обрядовых практик, чтение разнообразной литературы, попадающей в деревню. Предметом самостоятельной переработки стали издания православного религиозного содержания. На их основе создавались собственные литературно-художественные произведения, маркирующие сакральное, общественно-значимое опозитивированное пространство родных мест, позволяющие развиваться самобытной крестьянской духовной культуре и письменной традиции¹⁵, как это видим на примере поэта Петра Флегонтовича Горбушина.

Олег Борисович Карсаков,
Мышкинский народный музей,
г. Мышкин

¹¹ Минаева А.П. «До и после литературы» // «Живая старина», №1, 2007 год, стр. 2.

¹² «Исповедные книги церкви села Рождествена-Оносова Мышкинского уезда. 1841 – 1853 годы» // Угличский филиал Государственного архива Ярославской области, фонд 90, опись 1, единица хранения 477, листы 39, 71, 109, 128, 154, 180, 213, 240, 267, 297.

¹³ «Летопись церкви села Никольского, что на Топоре, Мышкинского уезда» // Специальный выпуск журнала «Кацкая летопись», № 4, 2006 год, стр. 11.

¹⁴ Священник Дмитрий Красотин «Мысли по поводу смерти священника» // «Ярославские Епархиальные Ведомости», часть неофициальная, 1879 год, № 2, стр. 14.

¹⁵ Громько М.М. «Мир русской деревни», г. Москва, «Молодая гвардия», 1991 год, стр. 294-311.

6) Священник Дмитрий Красотин. «Мысли по поводу...», стр. 14.

7) «Летопись церкви села Никольского, что на Топоре...», стр. 10.

8) Там же, стр. 12.

9) Там же, стр. 11.

10) Там же, стр. 12.

11) «Ярославские Епархиальные ведомости», часть неофициальная, 1880 год, №№ 12, 15, 17, 18, 19, 20, стр. 103-104, 120, 136, 143-144, 151-152, 159-160.

12) Священник Александр Соколов «Векоуши прихода села Шипилова Мышкинского уезда» // «Ярославские Епархиальные Ведомости», часть неофициальная, 1874 год, № 1 стр. 6-8 и № 2, стр. 11-13.

13) Гречухин В.А. «Последняя старица», г. Мышкин, 2008 год, стр. 32-43.

14) Священник Александр Соколов. «Векоуши...», стр. 11. Распространение старчества, знахарства, связанного главным образом с народной медициной, провидчества в крестьянской среде Мышкинского уезда было значительным до середины XX столетия. Можно вспомнить Иванушку Рождественского и Аннушку Ясковскую из деревни Ясково в Кацком стане, Васильюшку Блаженного из деревни Гневашево Серской волости, старуху Пелагеюшку из Мышкина. (Материалы краеведческих конференций школьников из архива народного музея).

15) Свообразным продолжением народной поэтической традиции Оносовских и Кацких мест стало творчество уроженки деревни Гусева Ларисы Федереевой и её мужа, уроженца кацкой деревни Мартынова, Андрея Лабазова.

Платуновская учительница Татьяна Геннадьевна Иванова с третьеклассниками Димой Васильевым, Зоей Васильевой и Настей Чистяковой. Кому, как не им, сегодняшним ученикам, сохранять в будущем традиции родного Платунова?

Снимок С. Темнятина, 2013 год

Кадка поэтическая

Стихи о Платунове

На склоне лет часто приходят на память слова старинного романа: «Не пробуждай воспоминаний минувших дней, минувших дней, не возродить былых желаний в душе моей, в душе моей».

Эти проникновенные строки всё же не точны. Пробуждать воспоминания не приходится, они возникают сами собой, как только остаёшься с ними один на один. Особенно ярко возникают картины детства и юности.

*Родились мы в Платунове,
Милее места нет.
Поля его, леса его
Мы помним с детских лет.
Платуново, Платуново –
Здесь был наш отчий дом.
Платуново, Платуново –
Берёзы под окном.*

*Ничем не знаменитое –
Таких, как ты, не счесть,
Но горячо любимое
Таким, какое есть.
Соломой крыши крытые
Нам снятся до сих пор,
Сердца людей открытые –
Душевный разговор.*

*На праздниках весёлых
Культура из культур,
Под звонкую гармошку
Кадриль на шесть фигур.
А песни задушевные,
Что пели мы тогда
На посиделках зимних,
Нам помнятся всегда.*

*Всему, что в нас хорошего,
Обязаны тебе,
Деревня наша славная
У каждого в судьбе.
Платуново, Платуново –
Здесь был наш отчий дом.
Платуново, Платуново –
Берёзы под окном.*

И.А. Буренков,
местный поэт

ОТ «КЛ». Хотите – верьте, хотите – нет, но стихи эти с авторским вступлением, действительно, ходят в списках по кацком Платунову! История имеет свойство повторяться: 1870-е годы платуновские поселяне увлекались творчеством поэта-самоучки Петра Фёдоровича Горбушина, а нынче – безвестного автора, скрывающегося за подписью «И.А. Буренков, местный поэт». Фамилия, действительно, кацкая, но никого из здешних уроженцев с такими инициалами кацкари не припомнили. Это ли беда! Когда стихи по-настоящему уходят в народ, автору позволительно оставаться и безвестным...

К 100-летию Первой мировой войны

Кацкари – георгиевские кавалеры

На фронтах Первой Мировой войны немало кацкарей из нижних чинов и рядовых доказали верность воинской присяге, проявив на полях сражений истинный героизм и мужество, получая за свои подвиги Георгиевские награды – разных степеней кресты и медали. Мы укажем имена некоторых героев-кацкарей – тех, кто по каким-либо причинам не смогли получить их в действующей армии.

Представляется, что награждение знаками отличия Военного ордена, равно как и Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями, должно было происходить в торжественной обстановке при полку в виду всего личного состава. Но всегда ли было так? Отнюдь.

Случалось, что в обстановке военного времени, в нестабильной ситуации резко менявшихся боевых действий, в суматохе, а порой и чехарде полкового делопроизводства награды «опаздывали» к героям – тех уже не было на лицо в комплекте полка по разным причинам: перевод в другое воинское подразделение, без вести пропавшие, плен, ранение, смерть от ран и болезней, гибель в бою. И тогда начиналась огромная работа военных и гражданских ведомств, структур и учреждений по розыску самого награждённого или его родственников, поскольку награда должна была быть вручённой, а не оставаться в полку или в Капитуле Российских Императорских и Царских орденов, в Георгиевских думах и прочих учреждениях.

Например, так произошло с одним из кацкарей – старшим унтер-офицером Иваном Смирновым. Лично он не смог получить Георгиевский крест 3-й степени с лентой, будучи в плену, и награду вручили по месту жительства отцу героя.

На период Первой мировой войны главным учреждением на местах (в уездах, губернии) по вопросам мобилизации, оформления в запас и так далее, касающихся всеобщей воинской повинности, в том числе, в случае необходимости, и проведения розыска Георгиевских кавалеров, являлось управление воинского начальника, возглавляемое воинским начальником. Эта структура в государственном управлении была организована в связи с введением в России всеобщей воинской повинности в 1874 году и просуществовала вплоть до 1917 года. Уездный воинский начальник подчинялся губернскому воинскому начальнику, а тот в свою очередь командующему войсками округа, который возглавлял военно-окружное управление, относившееся к Военному министерству. Командующий войсками округа напрямую подчинялся военному министру. В Мышкинском уезде местным государственным военным учреждением было Управление мышкинского уездного воинского начальника, возглавляемое мышкинским уездным воинским начальником.

Финансовые вопросы в отношении награждённых (в случае невыплаты прибавочного жалования или пенсия за умершего / погибшего, о чём указывалось в Георгиевских статутах) решались через казначейства – уездные и губернское, и губернскую казённую палату, которая непосредственно подчинялась Министерству финансов. В Мышкинском уезде местным государственным финансовым органом было Мышкин-

ское уездное казначейство в подчинении Ярославской казённой палаты.

И уездному воинскому начальнику, и уездному казначейству решать приходилось различные вопросы и на законодательном уровне, и даже в бытовой сфере, например, приобретение и изготовление протезов увечным воинам. И совсем непросто было писать отказы и разъяснения родственникам героев, их потерявшим. Например, старший фейерверкер Александр Бучкин имел Георгиевскую награду, но умер от ран. О получении пенсии за награду просила его мать, но ей отказали на законном основании, поскольку на получение пенсии за Георгиевскую награду после умершего воинского чина имела право только вдова, и то только определённый срок. А если бы умерший воин был холост – прав на получение пособия ни мать, ни отец не имели (ответ из управления Мышкинского уездного воинского начальника 16 ноября 1917 года № 28578). Или, например, ефрейтор Михаил Усков имел Георгиевский крест, но попал в плен. Его жена просила пенсию за награду, на что последовал отказ, так как муж находился в плену, а пенсия полагалась только на убитых в бою и умерших от ран воинских чинов.

Георгиевские кавалеры имели право выбора места получения пенсии при комиссовании или увольнении в запас, равно как и их родственники, которым полагалось получение пенсии за героя, и это могло быть казначейство другого уезда, а не уезда по месту жительства. Так, к примеру, пенсию за награды бомбардир Василий Дмитриев желал получать из Угличского уездного казначейства.

Прибавочное жалование награждённые получали только на действительной службе, через финансовые структуры соответствующих ведомств, интендантства, через полковых казначеев или представителей интендантской службы. В учётных документах награждённого, ушедшего в запас, умершего или комиссованного обязательно отмечалось, получал ли он прибавочное жалование, с какого и по какое число, в каком объёме, поскольку деньги по Статуту (отметим, что этот документ являлся законодательным актом) должны были получаться сполна и рассматривались как дополнительное вознаграждение и поощрение героизма.

Основные учётные документы на награждённых нижних чинов велись и хранились в Капитуле орденов и полковых канцеляриях, но масса сопутствующих и дополнительных документов оседали в делопроизводстве различных учреждений, в том числе в казённых палатах, казначействах, у воинских начальников, как то: удостоверения полковых командиров, аттестаты на награждённых, формулярные списки, справки из госпиталей и лазаретов, листки учёта награждённых, возвратившихся из плена, учётные карточки на получение пенсии, персональные списки на пенсию и т. д.

Листаешь эти списки и видишь, что титульные листы многих из них, к сожалению, имеют пометы в виде православного кладбищенского креста – это для делопроизводителей означало, что награждённый погиб или умер от ран и болезней...

Фамилия, имя, отчество награждённого, воинское звание и воинская часть	Награда	Кто получил награду, дата	Где находился награждённый на момент награждения
д. АРИСТОВО РОЖДЕСТВЕНСКОЙ волости			
Усков Михаил Сергеевич, ефрейтор, 13-й Восточно-Сибирский пехотный полк	Георгиевский крест 4-й степени	Его жене Марии Фёдоровне Усковой было отказано в получении пенсии за крест, так как муж находился в плену	В плену
д. БАЛАКИРЕВО Рождественской волости			
Мурзин (Мурзинов) Василий, младший унтер-офицер, доброволец, 71-й пехотный Белевский полк	Георгиевская медаль 4-й степени N 394564	Сам	Вернулся с фронта
Строев (Струев) Фёдор Григорьевич, рядовой, 322-й Солигаличский полк	Георгиевский крест 4-й степени N 627502	Опекун над его имением и малолетними детьми Яким Григорьевич Строев, крестьянин деревни Балакирева	Пропал без вести в бою 25 апреля 1915 года
д. БОКОВО Богородской волости			
Соловьёв Михаил Иванович, ефрейтор, 322-й пехотный Солигаличский полк	Георгиевский крест 4-й степени N 627518 (Ранее был ошибочно выдан Крест N 423497 - заменён)	Сам	
д. ГАЛИЦЫНО Галицынской волости			
Кудряшов (Кудрашов) Иван Петрович, ефрейтор, лейб-гвардии 4-й стрелковый полк	Георгиевский крест 4-й степени N 1007977	Отец Пётр Фёдорович Кудрашов 14 августа 1917 года	Убит 28 июня 1917 года
д. ГЛИНИНО Юрьевской волости			
Краснобаев Александр Андреевич, старший унтер-офицер, 322-й Солигаличский полк	Георгиевский крест 3-й степени N 82419; Георгиевский крест 4-й степени N 236764	Отец Андрей Поликарпович Краснобаев 8 января 1917 года под расписку волостному старшине	Убит 27 октября 1916 года
д. ГОЛЫХАНОВО Хоробровской волости			
Смирнов Иван Андреевич, старший унтер-офицер, 322-й Солигаличский полк	Георгиевский крест 3-й степени N 32387 с Георгиевской лентой	Отец Андрей Тимофеевич Смирнов 29 декабря 1916 года под расписку волостному старшине	В плену в Австрии с 23 марта 1915 года по 9 декабря 1918 года
д. ГОЛОСОВО Рождественской волости			
Смирнов Иван Фёдорович, старший унтер-офицер, 165-й пехотный Луцкий полк	Георгиевский крест 4-й степени N 485051 за отличие в бою 12 августа 1916 года; Георгиевская медаль 4-й степени N 877197 за отличие в бою 29 августа 1915 года	Сам	Вернулся с фронта
д. ДМИТРИЕВКА Архангельской волости			
Петухов Сергей Матвеевич, рядовой, 322-й пехотный Солигаличский полк	Георгиевский крест 4-й степени N 627513	Родственники	Пропал без вести 11 мая 1915 года в составе 2-го стрелкового полка
д. ЗОЛОТУХИНО Рождественской волости			
Дмитриев Михаил, 199-й Кронштадтский полк	Георгиевский крест 3-й степени N 196715; Георгиевский крест 4-й степени N 356889		
д. ИГНАТОВО Богородской волости			
Соминов Михаил Васильевич, ефрейтор, 12-я рота 95-го пехотного Красноярского полка	Георгиевская медаль 4-й степени N 225833	Сам	Вернулся с фронта
д. КОЛОГРИВЦЕВО Рождественской волости			
Брусницын Николай Васильевич, рядовой, 409-й пехотный Новохопёрский полк	Георгиевская медаль 3-й степени N 79068; Георгиевская медаль 4-й степени N 981285		

д. КОМАРОВО Галицынской волости			
Смирнов Илья Иванович, младший унтер-офицер, 147-й Самарский полк	Георгиевский крест 4-ой степени N 493631 пожалован 19 ноября 1915 года за отличие, оказанное им в бою с неприятелем 1 апреля 1915 года		Числился раненым и оставшимся на поле сражения 13 июня 1915 года. Умер от ран 1 июля 1915 года
д. МАРТЫНОВО Юрьевской волости			
Великолепов Алексей Игнатьевич, рядовой, 81-й Апшеронский полк	Георгиевская медаль 4-й степени N 1043277	Сам в госпитале	На излечении в Екатерининской больнице (госпитале)
д. МУХАНОВО Рождественской волости			
Богданов Михаил Федотович, рядовой, 272-й пехотный Гдовский полк (где получил медаль); 214-й пехотный резервный Мокшанский полк (после излечения)	Георгиевская медаль 4-й степени N 141508 на Георгиевской ленте за отличие в боях против неприятеля пожалована императором Николаем II при его посещении Гельсингфоргской Мариинской больницы 25 февра- ля 1915 года	Сам	На излечении в хирургическом отделении Гельсингфоргской Мариинской больницы, находился со 2 марта по 4 мая 1915 года
д. ПАВЛОВО Галицынской волости			
Фавстов Павел Яковлевич, подпрапорщик, 37-й пехотный Екатеринбургский полк	Георгиевский крест 1-й степени N 2033; Георгиевский крест 2-й степени N 23308; Георгиевский крест 3-й степени N 66392; Георгиевский крест 4-й степени N 27145; Г еоргиевская медаль 2-й степени N 21610; Георгиевская медаль 3-й степени N 88098; Георгиевская медаль 4-й степени N 587228; две светло-бронзовые медали в память 300-летия Царствования Дома Романовых; медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 года	Отец Яков Афимович (Яфимович) Фавстов 5 апреля 1917 года, домой с наградами прислали и погоны	
д. СТАРО-ТРОИЦКАЯ Рождественской волости			
Бучкин Александр Михайлович, старший фейерверкер, 1-я батарея 61-й Артиллерийской бригады	Не установлено	О пенсии просила его мать Мария Артамонова, но получила отказ, потому как на получение пенсии по знакам отличия военного ордена после умерше- го воинского чина имеет право только вдова	Умер от ран
д. ТИМОФЕЕВО Хоробровской волости			
Баранов Иван Герасимович	Георгиевский крест N 36316		
д. ЧУРИЛКОВО Хоробровской волости			
Дмитриев Василий Александрович, бомбардир-наводчик, 3-я батарея 10-й Артиллерийской бригады	Георгиевский крест 4-й степени N 200923 за храбрость; Георгиевская медаль 4-й степени N 17270 за храбрость		Умер 28 июня 1915 года от ран, полученных в бою у деревни Серафим

Татьяна Анатольевна Третьякова,
кандидат исторических наук,
историк-архивист, г. Углич

ИСТОЧНИКИ:

1. «Дело о выдаче пенсий семьям погибших военнослужащих и нижним чинам, имеющим ордена», 1917 год // Угличский филиал Государственного архива Ярославской области, фонд 87, опись 1, единица хранения 400.
2. «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Биобиблиографический справочник», г. Москва, «Русский мир», 2004 год.
3. Ерошкин Н.П. «История государственных учреждений дореволюционной России», г. Москва, РГГУ, 2008 год.

Смеем надеяться, что молодой человек справа в шинели и с георгиевской медалью на груди – и есть рядовой 81-го Апшеронского полка Алексей Игнатьевич Великолепов, уроженец деревни Мартынова. Во всяком случае, по возрасту – родился 18 мая 1896 года – очень даже подходит. Да и не знаем мы больше никого из мартыновских жителей, награждённых в Первую мировую войну (а фотография происходит именно из этой деревни). О дальнейшей судьбе героя, к сожалению, больше ничего неизвестно; современные Великолеповы – потомки его дяди, и ничего припомнить не смогли.

Снимок из собрания Этнографического музея кацкарей

Побахорим по-кацкие

Ба́ша – белоли́ска

УДАРНЫЕ БУКВЫ ОБОЗНАЧЕНЫ ПОДЧЁРКИВАНИЕМ.

БАША, БАШКА, БЯША, БЯШКА – овца. *Всехли башиок дамой загнала?* (Мартыново). *Насмотрели эти бяши – не буду болшо дёржаты!* (Владышино).

Синонимы: **башура, косая, чиба, коровья ябёда, опча, опча, руна.**

В Словаре русских народных говоров **баша** – псковское, **башка** – широко бытующее, **бяша** – калужское, олонекское, тульское и **бяшка** – широко бытующее. По Фасмеру, **баша** – уменьшительное от «баран» (как «Маша» от «Марья»), **бяша** – звукоподражательное.

БАШИ-БАШИ, БЯШИ-БЯШИ – слова, которыми подманивают овец. *Он им: «Бяши-бяши!», а оне нейдут.* (Рождество). *В Глинине звали «баши-баши», на Владышине – «бяши-бяши», а у нас – кто как.* (Мартыново).

Междометие, не изменяется.

Синонимы **бари-бари, борашки-борашки** и т. д. (см. словарную статью **бари-бари**).

В Словаре русских народных говоров **баши** имеет помету «костромское, тверское, томское», **бяши-бяши** – «вологодское».

БАШУРЫ – овцы. *У нас ведь башуры, мы ведь башур дёржим.* (Богданка). *Вы башур-то на запор поставили?* (Мартыново). *Нет у нас теперь не у кого некаких башур.* (Платуново).

Ед. число **башура** употребляется редко.

Синонимы: **баша, башка, бяша, бяшка, косая, чиба, коровья ябёда, опча, опча, руна.**

В Словаре русских народных говоров нет.

БАЯТЬ – говорить. *Ой, как мужик-от баёт!* (Ордино). Сов. вид **забаять**.

Синонимы **бахорить, бахорить.**

В русском языке слово **баять** считается устаревшим и облачным.

БЕЗ БОГА – НЕ ДО ПОРОГА – любое дело надо начинать помолвившись. *Саша, будёт в лёсу водить – остановись, перекстись. Как бахорят: «Без Бога – не до порога!»* (Парфёново). *С Боговым цёмлюбоё дело починай: без Бога – не до порога.* (Рождество).

Устойчивое выражение.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗГОДОВОЙ – очень старый, древний. *Я думал, подоконки снесли – дам-от безгодовой – а оне ёщо походящие.* (Мартыново). *А кошка-то у нас безгодовая, какие уж ей мыши...* (Хороброво). *Сторожила Сорокина, совсем безгодовая старуха, она жо и бригадирила.* (Щербово).

Слово со схожим значением **глумяной**.

Словарь русских народных говоров отметил формы **безгодевый** в Рязанской губернии и **безгодový** – в Костромской и Тверской.

БЕЗ ГОДУ НЁДЕЛЯ – имеющий малый стаж, опыт. *И пороботал-то без году нёделя, а уж бахвалится!* (Рождество). *И пожили-то вместея без году нёделя, а уж разошлись.* (Платуново).

Устойчивое выражение.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗДОМНИЦА – человек, не имеющий своего жилья, бомж. *Была такая, Таня-Патюня с Ордина. Бездомница, по деревням ходила, милостыню соберала.* (Хороброво). *А што оно, бездомница?* (Левцово).

Сущ. общего рода.

Мн. число **бездомницы**.

В Словаре русских народных говоров с тем же значением

бездомица – пермское.

БЕЗДОРОЖЬ – бездорожье. *Долгольки – такая бездорожь, еле-еле на гусенциньих тракторах проёжжали.* (Рождество).

Мн. число не употребляется.

Словарь русских народных говоров отметил это слово в Пермской, Псковской, Смоленской и Ярославской областях.

БЕЗКОПЫТНОЙ – (о животном) урод, не имеющий копыт. *Натоцлюся на фирме телёночке безкопытной, я ёго дамой и взяла...* (Мартыново).

В Словаре русских народных говоров **безкопытный** «тот, кто не имеет скота» – архангельское.

БЕЗЛАБЁРНО – безалаберно. *Совсем безлабёрно почитуность стали!* (Мартыново).

Наречие, не изменяется.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗЛАБЁРНОЙ – безалаберный. *Уж такие оне безлабёрные, и лошади не уходят!* (Мартыново). *Он какой-то безлабёрной, всё не по-праские сделат.* (Платуново).

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗЛЮДЬЁ – собирательно о людях асоциального поведения или же низкого социального статуса: нищих, лодырях, пьяницах, бездомных. *И хорошая компания, да затёсалось какоё-то безлюдье со своим разговором.* (Рождество). *И серед богатых безлюдье бывдёт: и вренные, и злые.* (Мартыново). *Безлюдье оно – другого званья и не подберёшь!* (Платуново).

Мн. число не употребляется.

Слова со схожим значением **ад, вражина, вражищо.**

Устойчивое выражение **где люди, там и безлюдье** – о том, что в каждом обществе бывают всякие люди.

Русск. **безлюдье** «отсутствие людей» либо «отсутствие или недостаток нужных людей».

БЕЗОКОЛЕТИНА – бранное слово. *Штоб ты подох, безоколетина!* (Хороброво). *Она с ним «безоколетинной» гребыхалась.* (Мартыново).

Мн. число **безоколетины**.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗОКОЛЕТНОЙ, БЕЗОКОЛЕТОШНОЙ – бессмертный; часто используется как бранное. *Не знаю, куда и дёвдаться-то от тебе, безоколетной!* (Мартыново). *Жона мужа за чёго-небудь гребёт, безоколетошным и прозовёт.* (Платуново).

Синонимы **неоколетной, неоколетошной.**

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗО ВРЕМЁ – когда попало, без назначенного времени, без расписания. *Дак вот, безо времё не уедём дамой!* (Хороброво). *Корова хоть и безо времё телится, да удоинья.* (Нефино). *Нарано примаскалил – безо времё – ёщо нет некого.* (Рождество).

Наречие, не изменяется.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗПАЛОЙ – безрукий, неловкий, неумелый в работе. *У нас в деревне все мастеровые – не скажешь, што беспалые.* (Ясково). *Оно какоё-то беспалое – нечёго у него в руках-то не яднится.* (Платуново).

В Словаре русских народных говоров нет. Русск. **беспалый** «без пальца или без пальцев».

БЕЗПУТОЙ¹⁾ – заплутавший, сбившийся с пути, не знающий дороги. *Корова безпутая – все дворы обошла, а дамой*

не попала! (Мартыново).

В Словаре русских народных говоров такого значения нет.

БЕЗПУТОЙ²⁾ – беспутный, безрассудный, бестолковый. *Валька Рыжой был безпутной: то в драку попадёт, то одёжу розорвёт – все нетяги с ним!* (Рождествено). *Какой безпутной – всё из рук валится.* (Юрьевское).

В Словаре русских народных говоров такое значение отмечено как широко распространённое.

БЕЗЧАСНОЙ – не имеющий часов или привычку их носить. – *Сколькё времё? – Не знаю, без часов я! – А што жо ты безчасной?* (Мартыново).

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗЪДЁННОЙ – бездонный, глубокий. *На Озёрках струб был – когда в деревне всё пересыхало, тамоди брали воду. Так и бахорили: «На Озёрко пошли!» А то Безъдённой окошко звали; пльвун – полыхались, как бы не провалиться.* (Кривцово). *А ниже Овдева – глубоченной Безъдённой омут.* (Мартыново). *Пруд у нас безъдённой – нна не вцнно!* (Платуново).

В Словаре русских народных говоров нет. Слово сохранилось с тех пор, когда звук «з» в речи кацкарей звучал всегда мягко.

БЕЗ ЯЗЫКА – онемев от страха, ужаса. *Уж как мы переполохались-то – дамой без языка прибежали!* (Левцово).

Наречие, не изменяется.

Устойчивое сравнение **што без языка** – о молчаливом человеке.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЗЪЯЗЫКОЙ – молчаливый, неразговорчивый. *Трезвой – дак безъязыкой, а выглохнёт – хоть бёги!* (Дьяконовка). *Оно и двух слов не свяжёт – безъязыкоё какоё-то.* (Платуново).

Словарь русских народных говоров **безъязыкий** «не знающий иностранного языка» отметил в Московской губернии. Русск. **безъязыкий** «немой, не владеющий речью»

БЕЙ ПОПА! – выкрик при игре в городки, призывающий разбить «попа» – вертикальную палку. *Помню, играли с попом в городки, дак занарок хазили: «Бей попа!»* (Хороброро). *Ой, дак ведь и у нас «Бей попа!» хазили.* (Платуново).

Устойчивое выражение.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЛАЯ КОБЫЛИЦА – персонаж кацкой мифологии, рыскающий поутру возле селений; увидеть Белую Кобылицу – к тяжёлой болезни или к смерти. *Данечёго уж мне тёнерь, матушка, не поможёт – мне Белая Кобылица показала.* (Кривцово). *Говорят, Белая Кобылица выскакивает откуда-то из-за глазовских дерёвён.* (Рождествено).

Устойчивое сочетание.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЛАЯ КОРОВА – персонаж кацкой мифологии, олицетворяющий солнце.

Белая Коровушка

По небёсной глобушке

Цельней день масккалит –

Светлядь, телядь дарит! (прибайка, Мартыново).

Устойчивое сочетание.

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЛАЯ КОРОВА ПРИМАСКАЛИЛА, БЕЛАЯ КОРОВА ПРИМАСКАЛИТ – о выпавшем счастье, удаче или награде за что либо. *Чёго идёшь довольнёхонек – Белая Корова примаскалила?* (Мартыново). *Ну и натуронно ты про неё наблекотала; тебе чёго за это, на двор Белая Корова примаскалит штоли?* (Платуново).

Устойчивое выражение.

В Словаре русских народных говоров нет. В связи с этим присловьем имеет смысл процитировать письмо Ирины Преображенской из Ленинградской области: «В Этнографическом музее кацкарей я увидела фото своего прапрадеда Михаила Зеле-

нецкого. Он был священником в Кацком стане. Моя прабабушка Любовь Михайловна Преображенская вышла замуж тоже за священнослужителя – Ростислава Преображенского. И моя фамилия Преображенская, живу и работаю в Ленинградской области. Вот теперь, после знакомства с Этнографическим музеем кацкарей, я поняла, откуда взяла эту поговорку: «Тебе что, Белая Корова на двор придёт!?» А раньше не могла объяснить сослуживцам, что я имею ввиду».

БЕЛАЯ КОРОВУШКА, БЕЛАЯ – белый гриб: гриб рода боровиков. *Ой, бабы, я белую наискрала!* (Дьяконовка). *Белые грибы мы белым коровушкам звали.* (Мартыново).

Мн. число **белые коровушки, белые.**

Синоним **коровушка.**

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ – белая кувшинка: многолетнее водное растение семейства кувшинковых. **Белые лилии** растут от Широкожова и вниз по Кадке. (Ордино). *Примаскаливайте, у нас белые лилии розцвёлци!* (Ильинское).

Мн. число **белые лилии.**

В науке **белой лилией** называют многолетнее луковичное растение, в воде не растущее.

БЕЛОЁ ВИНО, БЕЛОЁ – водка. *Ну, тебе белого плёснуть вица или красного?* (Дьяконовка). *Дай взаймы белого!* (Мартыново). **Белое вино** – это водка, а красное – малоградусное. (Рождествено).

Мн. число не употребляется.

Синоним **казёнка.**

Русск. **белое вино** «светлое виноградное вино»; употребление слова **вино** в значении «водка» считается разговорным.

БЕЛОЙ ДЕНЬ – светлое время суток. **Белой день, а оно всё спит!** (Рождествено). *Летом из тына хоть и не уходи: десять часов, а всё ёщо белой день!* (Мартыново).

Устойчивое выражение.

Русск. **среди бела дня** «днём, когда светло».

БЕЛОЙ ЛЁН – лён высшего качества.

Ты удайся, мой лён,

Ты удайся, мой беленькёй лёнок!

Лён, мой лён –

Белой лён! (песня, Дьяконовка).

Устойчивое выражение.

Устойчивое сравнение **што белой лён** «отдохнувший, набравшийся сил и здоровья».

В Словаре русских народных говоров нет.

БЕЛОЛИСКА – белый, иначе серебристый, тополь: лиственное дерево семейства ивовых. *Ой, какая у вас белолииска-то отвоиня!* (Рождествено). *У нас в Черемошьё белые тополя белолииска называли.* (Перемошьё).

Мн. число **белолиски.**

Название связано со своеобразными листьями серебристого тополя: сверху «тёмно-зелёными, блестящими, серебристыми, снизу опушёнными, белойочными». В Словаре русских народных говоров **белолистка** – название травянистого растения белокрыльник болотный, бытующее в Свердловской и Челябинской областях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Словарь русского языка», том I «А-Й», Москва, «Русский язык», 1999 г.
2. «Словарь русских народных говоров», выпуск 2-ой «Ба – блазниться», Санкт-Петербург, «Наука», 2002 г.
3. Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка», том I «А-О», Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2002 г.
4. Фасмер М. «Этимологический словарь русского языка», том I «А-Д», Москва, «Астрель – АСТ», 2004 г.
5. «Лилия белоснежная» // Интернет-энциклопедия «Википедия», wikipedia.org
6. «Кувшинка белая» // Интернет-энциклопедия «Википедия», wikipedia.org
7. «Тополь белый» // Интернет-энциклопедия «Википедия», wikipedia.org

Кацкари

Рождественно. Ученники

В советское послевоенное время Рождественская школа занимала три здания, и у начальных классов было своё – деревянное, одноэтажное. Располагалось оно за ручьём, на Торговой площади, позади современного райповского магазина. Сейчас на том месте пустырь, но бывшим ученикам родная школа, безусловно, памятна.

Сидят в первом ряду (слева направо):

1. Первоклассник Вася Васильев из села Рождественна, а из иных подробностей известно, что он ещё школьником с матерью тёткой Шурой Машинистой уедет куда-то под Ленинград. Говорят, жил немного, похоронен где-то в чужих краях.

2. Жена Карасёв из деревни Глинина – тоже первоклассник. В будущем он закончит Ростовский сельскохозяйственный техникум и вернётся в родные края главным механиком: сначала исаковского колхоза «Знамя Ленина», а после его упразднения – мартыновского «Верного пути». Умер, до пенсии не дожив, но оставил по себе память как очень толковый специалист. Был женат, вырастил четверых детей, двое из которых и по сию пору живут в Мартыново. Похоронен на Николо-Гопорском кладбище.

3. Учительница начальных классов Екатерина Михайловна Кашина, а до замужества Казакова. Свой трудовой путь она начала в 1938 году в соседней школе в Воскресенском в Кадке. В Рождественскую школу перевелась в 1945 году, но жила по-прежнему в воскресенском доме – квартиру в Рождестве ей дадут много позднее. Вырастила двоих сыновей, которые сейчас живут где-то по направлению Питера. Умерла, похоронена на приходском кладбище.

4. В пионерском галстуке – третьеклассница Галия Чуракова из Глинина. После восьми классов Рождественской школы она будет учиться в Рыбинске, получит специальность воспитателя детского сада и по распределению уедет в Ивановскую область. Но замуж выйдет за кацкаря из деревни Дьяково и вернётся домой – вернее, в районный центр Мышкин. Многие помнят Галину Васильевну Кустову как воспитателя тамошнего детского сада «Тополек». Вырастит двух детей. Умерла, похоронена в Мышкине.

5. Первоклассник Женья Морозов из деревни Чириковва – сын сельского фельдшера. Сейчас Евгений Александрович живёт в Ярославле, на Родину приезжает лишь навещать родные могилки и, надо думать, у него всё хорошо.

6. Ещё один первоклассник – Вова Эрикайкин из Рождественна, или «Рекайкин», как произносят его фамилию кацкари. После школы Владимир Васильевич закончит

Угличское педагогическое училище и получит специальность учителя физкультуры. Там в Угличе и жил, и умер при не вполне выясненных обстоятельствах. Похоронен на Родине – на Рождественско-Кацком кладбище. После него остались два сына.

Стоят во втором ряду (слева направо):

1. Третьеклассница Валя Ершова из деревни Малога Поповичева. Её мама работала на льнозаводе и растила четверых детей одна. А в Рождестве Валя не доучится – семья переедет под Ленинград. Как-то приехала Валентина Васильевна на машине, но распрощалась с ней, что да как, не получилось.

2. Надя Чистякова из деревни Бибикива – третьеклассница. Выросла она в большущей семье: отец её Фёдор Александрович Чистяков с матерью тёткой Катей произвели на свет Божий восьмерых детей! И вот вся большая семья уедет в Рыбинск. Там, надо думать, Надежда Фёдоровна и сейчас живёт. Конечно, уже на пенсии, а работала, как вспоминают, на спичечной фабрике.

3. Первоклассница Надя Голикова из Чирикова должна была учиться в третьем классе, но от сверстников стала из-за частых болезней. Упущенное наверстала: закончив школу, училась в Ярославском государственном педагогическом институте, преподавала русский язык и литературу в Богородской восьмилетке Мышкинского района. С 1977 года – учитель и завуч Рождественской средней школы, а в 1980-1991 годах – её директор; в 2000-2005 годах – глава Рождественской сельской территории. Среди многих районных и областных грамот имеет и министерскую. Сейчас Надежда Ивановна Овчинникова на заслуженном отдыхе. Замужем, дочь и двое внуков.

4. Девочка, что в платке, жила в деревне Большом Поповичеве и носила фамилию звучную – Люда Сенатская. Вспоминают, росла отчаянной и не боялась подражать даже с пацанами. На фотографии Люда – третьеклассница; совсем скоро её семья переедет в соседнюю деревню Павлово, а оттуда – под Рыбинск, в совхоз «Малиновец». Туда, кстати сказать, в 1960-х годах из Кацкого стана поедут много народа. О дальнейшей судьбе Людмила Борисовна ничего не известно.

5. Первоклассница Надя Смирнова из деревни Антепельна, активная участница художественной самодеятельности: и плясала, и пела. Сразу после восьмого класса она устроится на работу в Мышкинское ателье и одновременно продолжит образование в вечерней школе. А дальше – метростроевское училище в Ленинграде, и вот уже сорок лет Надежда Николаевна Волкова работает в

Санкт-Петербургском метрострое. Родной Кацкий стан навещает часто, подолгу живя у старенькой матери. У неё семья: муж, сын, внучка.

В третьем ряду (слева направо):

1. Третьеклассник Вова Краснобаев из Глинина рос в такой же, как и Надя Чистякова, большой семье: восемь детей их было у отца-матери, и две пары – двойняки! После Рождественской школы окончит Великосельский зооветеринарный техникум, и в армии ему как ветерану предложат стать кинологом – специалистом по разведению, содержанию и дрессировке собак. Служил, надо сказать, Владимир Васильевич под Москвой, где к тому времени уже жила его старшая сестра Шура, да так в Подмосковье и остался. Но на Родине бывает – навещает родственников.

2. Третьеклассник Вова Сундуков по рождению – павловский, но семья переехала в Рождественно, и школа стала совсем под боком. После школы Владимир Владимирович будет работать на Рождественском льнозаводе, а после перейдёт на Рождественскую электростанцию. Семья не создаст. Умер, похоронен на Рождественском кладбище.

3. Третьеклассник Владимир Карасёв из Глинина – Жени Карасёва из первого ряда родной брат, а всего детей в их в семье росло пятеро. У каждого своя судьба – Владимиру она распорядилась остаться в Кацком стানে. Работал механиком в колхозе «Искра» – сначала по фермам, а потом и главным. Сейчас Владимир Александрович на пенсии, живёт в Балакиреве. Любит читать. Вырастил двоих детей, дождался и внуков.

4. Третьеклассник Слава Тихонов из Рождественна. В 1963 году уедет с родителями в Рыбинск, и что с ним сейчас, в Кацком стানে никто не знает. Работал Вячеслав Александрович, кажется, на заводе «Дормашина».

5. Третьеклассник Коля Буров из Рождественна – сын председателя здешнего колхоза имени Кирова Алексея Васильевича Бурова. О дальнейшей его судьбе никто ничего не знает, потому как Буровы «уехали отсюда в Рыбинск, и с концом».

6. Коля Бранкин из Антепельна – тоже третьеклассник. Его будущая профессия – водитель; в последние годы им он и работал в Мышкинском райпо. Женится на землячке, но семейная жизнь не задалась. Умер, родные похоронили его на приходском Рождественско-Кацком кладбище. В Мышкине у Николая Васильевича Бранкина живёт дочь.

Сергей Темнякин,
Этнографический музей кацкарей

РОЖДЕСТВЕНО. УЧЕНИКИ. 1962 год.

Снимок из собрания Этнографического музея кацкарей

Таралыково. Первые колхозники

Вот оно, село Таралыково Средней Кадки. Каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, строенная в 1814 году и расширенная в 1876-м, и кладбище при ней. На верхнем ярусе колокольни, если присмотреться, висит колокол (или это световой проём на противоположной стене?), а значит, снимок был сделан в начале 1930-х годов. На нём должны быть запечатлены самые первые здешние колхозники – крестьяне из окрестных деревень Коренева, Аристова, Жукова, Черноусова...

Их колхоз в довоенное время носил гордое имя – «Краснознамёнец». Это в честь его организатора и первого председателя – черноусовского крестьянина Сергея Алексеевича Мистрюкова. В Гражданскую на Перекопе, когда погибли командир и комиссар, он поднял роту в решающую атаку – за что и получил орден Боевого Красного Знамени, пожалуй, самый первый из кацкарей. Интересно, а есть ли он на этой фотографии? И вообще, возможно ли узнать хоть чьё-нибудь имя из 60-ти человек, снявшихся на ней?

Вся надежда на вас, уважаемые читатели «КЛ»! Если кому-то известны подробности насчёт этой фотографии, пожалуйста, звоните по телефону 8-962-200-94-95. Или пишите: хоть на обычный почтовый адрес, хоть на электронный: temnyatkin.s@mail.ru.

И ещё: большущее спасибо Евгению Викторовичу Бычкову из села Рождествена в Кадке, который для нас эту фотографию раздобыл.